

Томъ XXI (годъ II-й). 50 номеровъ въ годъ. № 12. Выходитъ по четвергамъ, 21го марта 1868 г.

Годовая цена съ доставкой въ Петербургъ 7 руб., съ пересылкою во все города 8 руб., на полгода 5 руб.

Отдѣльные номера газеты продаются въ копѣйку по 15 коп.; съ пересылкою и у комиссионера по 20 коп.

Письма и посылки адресуются: въ редакцію «Иллюстрированной Газеты» В. Р. Зотоу, Литейная, № 38-й.

СОДЕРЖАНИЕ: Францъ Миклошичъ. — Внутреннее обзрѣніе. — Политика. — Музей Эрмитажскаго замка. — Видъ мѣлны Верей. — Свадьба. — Шуты на Русь. — Пророкъ въ Вельцахъ. — Домъ въ Вальмарѣ. — Берга Пауэрель. — Висельманъ. — Незамороженное полярное море. — Сихотворение. — Колеги шведскаго короля Густава-

Альдоля. — Обзоръ дѣятельности петербургскихъ театровъ. — Очеркъ русско-прусскихъ границъ. — Корреспонденція «Иллюстрированной Газеты» въ Пармѣ. — Петрозаводскъ. — Рѣшеніе математической задачи. — Объясненіе. — Отытъ редакціи. РИСУНИ: Францъ Миклошичъ. — Фаустина. — Ви-

гельманъ. — Саоо. — Поселенія около Майна. — Видъ мѣлны Верей около Вельца. — Косма II, герцогъ Флоренціи. — Директъ въ Вельцахъ. — Рихардъ Конрадъ фонъ-Рюссбергъ. — Домъ въ Вальмарѣ. — Колеги шведскаго короля Густава-Альдоля. — Наши добрые провинціалы, восста- нувшія сцена 4-го дѣйствія.

Францъ Миклошичъ.

Хотя филологія славянскихъ языковъ составляетъ науку, еще очень недавно возникшую, тѣмъ не менѣе, степень ея развитія въ настоящее время научу не ниже развитія другихъ индо-европейскихъ языковъ. Давно уже всѣмъ европейскимъ лингвистамъ было известно, что славянскіе языки происходятъ отъ того же общаго корня, къ которому принадлежатъ и языки народовъ Индіи, Ирана (древней и современной Персіи), Греціи, Итали, племенъ кельтскихъ, германскихъ и латвскихъ. Но опредѣленіе степени ихъ роста, сходства, объясненіе грамматическихъ формъ сравнительно съ такими же формами другихъ языковъ, не входило въ программу трудовъ новѣйшихъ филологовъ собственно уже потому, что славянскіе языки этимъ лингвистамъ были незнакомы; сами же славяне, незнакомясь съ методами сравнительныхъ наукъ, съ законами измѣненія формъ и законами этимологіи, не знали, какъ приступить къ дѣлу и выполнить его соотвѣтственно требованіямъ современной науки. Даже самый знаменитый современный, недавно умершій, филологъ Боппъ, въ своей сравнительной грамматикѣ, вышедшей первымъ изданіемъ въ 1833 году, выказываетъ очень слабую познанія въ славянскихъ языкахъ и въ нихъ касается только старо-болгарскаго и старо-славянскаго, или просто славяно-болгарскаго языка. Онъ отдаетъ предпочтеніе этому языку потому, что въ это время была лучше всего обработана грамматика этого языка, взлозанная славянцемъ Исидоромъ Домбровскимъ въ «Institutiones Linguae slavicae veteris dialecticae» (1822 г.). Но Домбровскийъ самъ о старо-славянскомъ языкѣ судить во комментаріяхъ и рукописямъ позднѣйшихъ временъ, когда велько было уже утравно значеніе прежнихъ грамматическихъ формъ, но и отдѣльныхъ словъ. Домбровскийъ составилъ старо-славянскую грамматику по русскому иговору, безъ носовыхъ звуковъ,

съ замѣненіемъ и въ гласными о и е, или съ совершеніемъ ихъ оуценіемъ, съ употребленіемъ знака носоваго произношенія для звука к, съ введеніемъ различія между гласными для отаціи множественнаго числа отъ единственнаго, чего древнія письмена совершенно не знали. Изъ брашии руководителемъ Домбровскаго, Боппъ, въ своей сравнительной грамматикѣ, повторилъ его ошлбкн, и только въ 4-й части своего труда поправилъ ихъ согласно Копптару.

Краткомъ этого сочиненія Боппа, касаясь его, впрочемъ, только со стороны старо-славянскаго языка, выступилъ — еще молодой тогда — филологъ Францъ Миклошичъ, въ журналѣ «Wiener Jahrbücher» 1844 года, и сразу доказалъ ученому

міру, что современнѣе займетъ первое мѣсто между славянскими филологами. И дѣйствительно, Боппъ, въ послѣднемъ своемъ изданіи «Сравнительной грамматики», руководствуется уже единственно только Миклошичемъ. Считаемоъ полезнымъ познатику публику съ личностю, занимаемою теперь первое мѣсто между славянскими филологами.

Францъ Миклошичъ родился 20-го ноября 1813 года въ южной нл славянской части Штирии, въ деревнѣ Радмюттохъ, близъ города Людбрга (по-иѣмению Лоттенберга), въ округѣ Марбургскомъ (Марбургскомъ). Но языку, онъ былъ однопольменникъ съ Копптаромъ, такъ же извѣстнымъ лингвистомъ, который, со времени встречи съ Миклошичемъ и до своей смерти (1844 г.), былъ его настоятельнымъ и другомъ. Первоначальное образованіе Миклошичъ получилъ въ гимназіяхъ: моравской (въ Херншатинѣ) и марбургской (въ Штири); затѣмъ, въ университетѣ, въ Грацѣ (Градцѣ), слушалъ филологію и юридическія науки, получилъ степень доктора филологіи и преподавалъ этотъ предметъ въ градецкомъ университетѣ въ 1837 г. Но скоро оставилъ филологію и обратился къ юридическимъ наукамъ, и въ 1838 году получилъ степень доктора права въ вѣнскомъ университетѣ.

Но и филологія, на право принадлежала предметомъ его дальнѣйшихъ изученій. Славяное его съ землякомъ своимъ, Бартоломеемъ (Арнемъ), повлекло его къ лингвистикѣ, особенно сравнительной, къ чему онъ имѣлъ достаточно средствъ, такъ какъ основательно зналъ языки греческій, латинскій, италіанскій, французскій и англійскій, кромѣ роднаго славянскаго, который помогъ ему изучити и другія славянскія нарѣчія, особенно старо-славянское. Дружескія отношенія съ Копптаромъ имѣли сильное влияние на дальнѣйшую судьбу Миклошича, что выразилось въ его письмахъ и убѣжденіяхъ. Оба они недолюбливали чешскихъ ученыхъ и въ послѣднѣмъ съ ними не стѣснялись въ

Францъ Миклошичъ.

выражений, что составляет единственный упрёк, который можно сделать Миклошичу. Главным предметом их извешений был Вячеслав Гапка, который, ставши германско-славянским и практическим знанием всех славянских наречий, в то же время был слаб в литературных трудах, особенно в строго-филологических, хотя эти труды оны и представляли наибольшее значение. Но внаслед в глубокой научной сравнительной филологии, Гапка внаслед взял только некоторые письменные памятники старо-славянские, как, например, Остромира, изданий Восточного, и внаслед реченств, и даже тут, доказав, что оны не филологичны, Миклошич высказал о нем неологическое мнение; поноее мнение было выражено еще ранее в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1848 г. № 2-й, 3-й и 4-й) при разборке реченского евангелия. Забытый рывками реченския, Гапка напечатал вь хроникъ чешского музея (1850 г. т. 2-й, ст. 297-я) вэди разборке сочинений Миклошича о старо-славянском языке, вь которыхъ, вэстри отступилъ отъ формы, употребленной вь сочинении Остромира и вэди этого отступку, укорачь Миклошича не только незнакомым грамматическимъ формам, но и совершенномъ незнакомствомъ съ живыми славянскими языками, съ чешскимъ и русскимъ. Мало того, основываясь на томъ обстоятельстве, что сочинения Миклошича появились только по смерти его учителя, Копитара (1844 г.), Гапка означиваетъ свое реченное замечанье, что почти вь сочиненияхъ Миклошича, какъ разбирательско-филологическихъ работъ умершаго учителя, и что пока учитель живъ, ученикъ не смьятъ выступить на публичную арену, и такъ какъ Миклошичъ являетъ вторичная замкнута Копитару, то Гапка, заидица Копитара, приводитъ, чтобъ конецъ своей речензии, стихи изъ «Дочери Славы»: Коптара:

«Словъ, какъ дьвѣ, намысла воды изъ колодеца,
А потомъ въ него все кипитъ камешка».

Такая дьява речензия внаслед являлъ добрый же отъказъ, въ которомъ Миклошичъ (в «Slavische Beiträge», т. 1, стр. 267-я) издаетъ себя да въ вопросе: 1) славянскій ли филологъ Гапка вь Прагѣ? и 2) благодарный ли человекъ этотъ Вячеславъ Гапка вь Прагѣ? Но внаслед вь отбывку второго вопроса, какъ касающаго личности учоната, скажемъ, что относительно первого Миклошичъ вымалъ победителей, хотя собственно «дичь» реченрия, наведенная въ письменныхъ памятникахъ, не можетъ служить точкою исхода для составления дичьихъ работъ того же слова, да и внаслед Миклошичъ проводитъ слишкомъ далеко. Тамъ не конче, мы считаемъ возраженія Миклошича совершенно основательными, и вь спорѣ филологическомъ становимся на его сторону. Впрочемъ, неприякъ въ чешскимъ учонатъ, и особенно въ Ганбѣ, Миклошичъ наследовалъ отъ Копитара, который, будучи чрезвычайно въ раздражимыхъ и обидчивыхъ, не щадилъ въ раздражимыхъ явкою ни своихъ противниковъ: Дунаевъ-Воронцовскаго, В. А. Милоновскаго, Лодыженскаго Гапка в Гапку.

Вь работахъ Миклошича принадлежатъ филологич, вторичная изъ нихъ касаются грамматики, другія заключаютъ въ себя изданы дичьихъ памятниковъ старо-славянския письменности съ орфографическими поправками, а иногда и поправки самихъ формъ языка, оборотовъ рчи, употребляемыхъ вь живыхъ славянскихъ наречияхъ и памятники Бошка, Миклошичъ напечаталъ сочинение о старо-славянскихъ корняхъ, нохъ затитане: «Radices linguae slovenicae veteris dialecti Ljrsiae», вь которомъ, приводя то дичьи выражения, служившия вь то же время и корнями, то отдельные корни, съ изменениями отъ нихъ происходящими, старался показать родство славянского языка съ другими индо-европейскими языками, и внаслед соваться, доказать это родство предельно учонно. Особенно приведено санскритскихъ корней для сравнения съ корнями старо-славянскими, въ доказательство происхождения последнихъ изъ первыхъ, составляетъ самую важную сторону его сочинения, которая доказываетъ вь то же время, что безъ знания санскритскаго языка можно только догадываться, но не объяснить ни этимологию, ни измененій формъ языка славянскихъ.

Къ несчастью, это убеждение разделяютъ да-

же не все славянские филологи, вэстроно, вэбдствителны нежеланъ привычаться за трудная и уютительная изученія санскрита. Даже известный по своимъ филологическимъ работамъ въ славянскихъ языкахъ учоный чехъ Гатава высказываетъ мнение, что для славянского филолога знание санскритскаго грамматики не необходимо; но оны, вэстроно, сказали бы другое, есиль самъ съ нехъ познакомился. Особенно польскій языкъ, относительно этимологии, кажется, находится вь ближайшемъ, посяв армянскаго, родствѣ съ санскритскимъ вьZendskimъ; вь этомъ вэбдствително родство носовыхъ и вэбихъ звуковъ съ горловыми и особенно горными гласными, а также гласнымъ въ настоящемъ времени. Необходимость знания санскритскаго языка еще сознавалъ Миклошичъ, и потому вь своемъ сочинении привелъ санскритские корни, чьмъ значительно обогатилъ свой лексиконъ, означиваннымъ «Radices».

Вь 1850 году издалъ оны «Lautlehre der alt-slovenischen Sprache», а вь 1852 г. «Formenlehre» того же языка. Эти три сочинения вызвали критику Ганку, о которой мы уже говорили. Но Миклошичъ вэбдствително отозвался, что оны больше пришлось прочитать рукописи славянскихъ, нежели Ганку ихъ видѣть, и вэбдствително, вь его сочинения ить ни одной формы, которую бы онъ не подтвердилъ примѣрами изъ книгъ или рукописей различныхъ вьковъ, а часо сочиненій, изъ которыхъ оны черпалъ эти примѣры, могло бы составить цѣлую библиотеку. Оны ихъ измьчиваетъ въ предельной своихъ сочиненияхъ, а подробный списокъ прилагаетъ къ вступлению вь старо-славянскій лексиконъ.

Работы, какія издалъ Миклошичъ, могутъ бытъ предприняты только тѣмъ, кому съ истинною открытостью, и потому могутъ бытъ выношены только въ такихъ столицахъ, какъ Вѣна, или Петербургъ. Природная императорская библиотека въ Вѣнѣ особенно богата вь этомъ отношеніи, и Миклошичъ, да облегченія доступа къ этому источнику, привалъ должностъ вь библиотеку, вь которой еще до Копитара, занималъ чинъ больше обязанъ. Вэбдствително, достигшии внаследствіи Миклошичу, Вэбдствително его «Lautlehre» и «Formenlehre» были внаследствіи значительно пополнены и перепечатаны вь сочиненияхъ, составившихъ эпоху вь славянской филологіи «Vergleichende Grammatik des Slavischen Sprache», томъ I. «Lautlehre», 1852 г.; томъ III «Formenlehre», 1856. Согласно плану автора, все сочинение должно состоять изъ четырехъ томовъ, изъ которыхъ второй будетъ заключать этимологию, а четвертый свитанься. Вь двухъ вышедшихъ томахъ Миклошичъ говоритъ о гласныхъ, о слогоупроизношеніи и о грамматическихъ формахъ 10-ти главныхъ славянскихъ наречій, а именно: старо-славянскаго, ново-славянскаго, болгарскаго, сербскаго, маорусскаго, русскаго, чешскаго, польскаго, верхне-визнско-сербскаго (ober-serbisch und nieder-serbisch). Собственно говоря, это не сравнительная грамматика, вь томъ смысле, вь какомъ должна бытъ составлена, а 10 отдельныхъ извешений каждаго изъ упомянутыхъ наречій, связанныи единствомъ цѣли и системы; часть о русскомъ языкѣ издана и отдѣльно; о польскомъ языкѣ цѣлкомъ составлена студентами главной варшавскаго школы и остается вь рукописи, за недостаткомъ издателя.

За точку исхода являть языкъ старо-славянскій языкъ, вь которомъ лучше, чьмъ въ другихъ языкахъ, сохранились подобныи формы, такъ какъ этотъ языкъ обладаетъ самую древнюю письменность, потому что былъ языкомъ греческой церкви и составляетъ корень всехъ ныне существующихъ славянскихъ наречій. Недостро говорить, что русскій и славянскій языки одно и то же; въ послѣднее время, все славяне, корень польскій и чеховъ, признали вь немъ родоначальника своихъ языковъ. Сербскіи писатели признаютъ это значение своему языку. Чинковъ считаетъ его родоначальникомъ своихъ словосказовъ, болгары называютъ староарганскимъ. Копитара и Миклошичъ, основываясь преимущественно на письменныхъ памятникахъ, сохранившихся еще отъ IX вѣка и вэбихъныхъ похъ имеемъ рукописей Фрейлингена и считаютъ языкъ этотъ родоначальникомъ. Вэбдствително, сравнительная текстъ этой, сложной развѣтвизданной, рукописи, съ самими древними старо-славянскими вэбдствително, внаслед по принахъ поразительного сходства вь формахъ, буквахъ, вь са-

момъ сохраненій, хотъ и не вездѣ, носовыхъ звуковъ. Домбровскийъ, желая помирить разноречія, назвалъ старо-славянскій языкъ—сербско-болгарско-македонскимъ, на томъ основаніи, что видѣть вь немъ большое сходство съ сербскимъ языкомъ, и что отчасти поноее славянскихъ языковъ была Македония, вь которой и нынѣ живуще славяне говорятъ болгарскимъ языкомъ. Шафарикъ называетъ его старо-болгарскимъ, но нужно замѣтить, что изъ всехъ нынѣ существующихъ славянскихъ языковъ, ново-болгарскій отдался больше прочихъ отъ своего корня.

Вь своемъ сочинении Миклошичъ высказалъ глубокое знание сравнительной филологии, основательное знакомство съ трудными знаителствомъ другихъ народовъ, огромную память и принципиальность. Вь отбѣдъ о согласныхъ буквахъ, оны показавъ различія ихъ, формы коренныи, научилъ удурения и законы вокализации. Вь третьемъ томѣ объяснилъ грамматическіи формы; вь имеемъ придалительныхъ и вѣстоименныхъ отлнчій окончаній существительныхъ, вѣстоименныхъ и сложныхъ; вь глаголахъ привалъ систему Домбровскаго, привалъ систему учоную, хотъ вэбдствително запутаную. Затитане, подраздѣленія, примѣры, составленные Миклошичемъ, приняты вь Мацеицкій вь его польской грамматикѣ. Сочинение Миклошича останется всегда руководящимъ трудомъ, хотъ вь частности подвѣивающае чонные будутъ, можетъ бытъ, съ нимъ расходиться.

Такъ же обильно, какъ вь Мацеицкій, черпалъ изъ сочинения Миклошича Осакдо, котораго грамматика рукописно, принята въ начальную школу русскія, какъ Малецкаго—(покаждъ польскій языкъ).

ВНУТРЕННИЕ ОБОЗРЕНІЯ.

Новый тарифъ внутренней телеграфной корреспонденціи. — Государственный совѣтъ мнѣвшею постановилъ: 1) въ европейской Россіи, до екатеринбургскаго меридіана, — отъ 4 копейки вь 100 верстахъ до 25 копеекъ вь 1000 верстахъ, отъ екатеринбургскаго меридіана до Срѣтенска, 2) Двѣмъ радиусъ внѣшняго круга каждаго посяа опредѣлитъ:

для 1-го посяа	70 верстѣ.
» 2-го »	190 »
» 3-го »	1,150 »

а вь 4-му посяу отнестъ пространство, лежащее за предѣлами 3-го посяа. 3) За предѣлами вь этихъ посяахъ вь единичной телеграфная денешу, вь 20 словъ, взымать плату:

вь 1-мъ посяѣ	50 к.
» II »	1 р.
» III »	2 »
» IV »	3 »

Затѣмъ, за каждая 10 словъ, вь денешъ прибавляема, взымать половину той платы, которая причитается за единичную денешу. 4) Ставщи, лежащи на 30-ти-верстныхъ расстояннхъ за поной чертой, считатъ вь ближайшемъ посяѣ. 5) При переходѣ денешъ изъ Европы въ Азію, или обратно, взымать плату сложную, отлнчно для европейской и для азіатскаго частей Россіи, кромѣ ставщи, лежащихъ на обѣхъ сторонахъ екатеринбургскаго меридіана, на расстояннхъ не болѣе 100 верстѣ одна отъ другой. За переселамею между сими ставщи денешу взымать простую плату, какъ за первый посяу, вь 50 коп. 6) Этотъ тарифъ ввѣсти вь дѣйствіе съ 1-го марта 1868 года.

Петербургскій университетъ имѣетъ вь настоящее время 35 профессоровъ, 15 доцентовъ, 8 лекторовъ, 8 приватъ-доцентовъ, 4 лаборанта и 6 консерваторовъ. Между тѣмъ, противъ нормальнаго состава, опредѣленнаго уставомъ, университетъ имѣетъ профессоровъ, доцентовъ и лекторовъ менше; на историко-филологическомъ факультетѣ вь 6-ю, а на физико-математическомъ — 4-ю, на юридическомъ — 10-ю и на факультетѣ восточныхъ языковъ — 3-ю. Есиль опредѣленнымъ уставомъ средства на содержаніе всего ляндаго состава университета бытъ отпущены, то оны могъ бы замѣстятъ достоящими дѣятельными съ свободныхъ денешахъ, исключая двухъ доцентуръ на факультетѣ восточныхъ языковъ, одной профессуры на юридическомъ и трехъ на историко-филологическомъ факультетѣхъ, именно: по екатеринбургскій всеобщей литературѣ, исторіи, географіи, теоріи и исторіи всеобщей. Тогда числа дѣятельно университета увеличилось бы почти вь

времени они были подчинены комиссариату внутренних дѣлъ.

Главное завѣщаніе варшавскимъ театрамъ, подъ общимъ предѣланіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, предѣлать нѣтъ же напечатать въ печати.

Пустыня кельдѣзовъ. — Коперендентъ Голоза передаетъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ, что между латинскимъ духовенствомъ въ западной краѣ есть еще такіе личности, которыя нѣ только не думаютъ бросить старыхъ затѣй, но постоянно напросятъ въ новыя.

Во всѣхъ государствахъ, гдѣ господствуетъ римско-католическая религія (въ томъ числѣ, въ одной Испаніи), запрещено вслѣзаямъ по улицамъ города носить св. дары открыто, т. е. въ предѣлѣхъ церковно-служителя съ зажженною свѣчю и со звономъ. Обычай этотъ, уничтоженный еще въ 1787 году, и притомъ даже не постановленіемъ правительства, а буллою папы Пия VI удержался только въ западныхъ губерніяхъ Россіи. Передъ латинскимъ кельдѣзомъ, несущимъ дары, по звуку колокольчика, всѣ встрѣчающіеся православные русскіе риняно платятъ ницъ, тогда какъ священники другихъ исповѣданій проходить съ св. дарами незамѣтно, и передъ нимъ никто не преклоняется. Кельдѣзы въ этомъ видятъ торжество римскаго католицизма въ Россіи, и не напрасно.

Въ 1867 году русское правительство подтвердило буллою папы Пия VI, и духовная римско-католическая коллегія объявила духовенству обрѣзъ исповѣданія бузды. Выяснивъ истинную духовность, свѣдѣя сердце, приказала кельдѣзамъ носить св. дары закрыты. Какъ же это исполняется? 6-го ноября 1867 года одинъ кельдѣзь кельдѣзъ несъ дары къ большому, права, безъ предѣлѣхъ церковно-служителя со звономъ и безъ зажженной свѣчи, за то звонилъ самъ, и предъ нимъ все падало ницъ. Кельдѣзь поспѣлъ оправдаться тѣмъ, что несъ св. дары закрыто, то-есть, подъ плащомъ, а звонилъ нечаянно, забывая отвѣтять колокольчикъ, привязанный къ дорожному сумкѣ. Кельдѣзь подалъ прощаніе.

Еще случай. Въ последнее время латинскіе кельдѣзы въ своихъ проповѣдяхъ острогомъ говорить проповѣди, возбуждая дикій фанатизмъ, конечно, изъ опасенія потерять прихожанъ; но это не мѣшаетъ путешествующимъ кельдѣзамъ проповѣдать на всѣхъ лѣсныхъ дорожкахъ обличать въ необходимость жертвовать въ «свѣтлый капиталъ», для святаго дѣла, т. е. для содержанія аскетовъ, приготовляющихъ шляху въ загробную жизнь. Администрация края предложила архидіакону воспретить путешествующимъ кельдѣзамъ служить мессы и проповѣдать въ чужихъ приходяхъ, архидіаконъ отвѣчалъ, что священникъ алтара всѣхъ и на всякомъ мѣстѣ обязанъ проповѣдовать слово Божіе.

Еще случай. Папа отсылалъ наивхуду о папшыхъ въ бою съ Гаррибади французамъ и разномыслиенію дружинъ, защищающихъ это земное правленіе. Между тѣмъ латинскіе духовенство Западнаго-края Россіи не отстали подобной наивхуды, а при стѣхъ удобномъ случаѣ и о «замордованныхъ москалями наивхуды совершились».

Последніе случаи прощая, кажется, незамѣченными. Наконецъ, есть кельдѣзы, отказавшіи одной пошлѣ въ причастіи, потому что она вышла замужъ за православнаго. Кельдѣзы эти были приговорены къ уплатѣ денежнаго штрафа. Но въ настоящее время этотъ кельдѣзь въ русской женской гимназіи преподаетъ русскіи римлянскіи законы Божіи.

У католиковъ вилнскихъ 2-го февраля былъ праздникъ Пресвѣтой Богородицы *трюмной*. По поводу собралась немалая толпа поляковъ при острѣхъ вѣротахъ. Послѣ литаніи когда толпа начала уже расходиться, со станицъ желѣзной дороги шло въ городъ чрезъ Острия Ворота еврей въ шапкѣ. Брачники острюворской часовни напали на него въ дѣлѣ, и начали кричать, толпа поляковъ свѣдѣла и алазаровала этого. Мѣръ пришлось идти тѣмъ же путемъ, говорить корреспондентъ «Голоса». Увидѣвъ это, а началъ кричать горожанамъ, чтобы защитить еврея. Непосредственно передъ этою исторіею католикъ, за участіе въ удѣльномъ богослуженіи при Острияхъ Вѣротахъ, получивъ прощенье грѣховъ за 200 дѣлъ, подѣлать мѣръ, обидѣлось, удивился, если они молчались объ исторіею нектоигои.

Что жъ удивительнаго, если католики, подъ вліяніемъ такой мѣлкости, поусердствуютъ и пожелаютъ не только еврея, но и зютеранина и православнаго христіанина? Въдѣ было же время, когда брачники той же свѣтлой конгеганціи, и въ острюбрамскіе, въ городѣ Краковѣ толпились въ рѣкѣ Вислѣ нектоигои, за что и были тамъ изгнаны, 10-го октября 1786 года, а часовня въѣхъ обращена въ театръ для студентовъ. Въ Краковѣ сами поляки уничтожили браство этой конгеганціи, а мы въ Вильно не можемъ этого сдѣлать и дожины, то и дѣло, стараться, чтобы эти брачники не нарушали назъ нами и не избѣгли какой-нибудь изъ насъ за то, что мы не католики и въ морозъ не снимаемъ шапки, проходя подъ Остриями Вѣротами.

ПОЛИТИКА.

Франція. — Законодательный корпусъ принялъ проектъ закона о сокращеніи большинствомъ 209-ти голосовъ противъ 22-хъ; послѣ чего палата, по предложенію государственнаго министра Руэ, отстранила свою засѣданіи, и предъ до нового ее созванія Палата и Сенатъ не могутъ и не хотятъ о столахъ продлѣть безпредѣльно до сената, гдѣ, однако, нѣсколько ораторовъ собираются участвовать въ преніяхъ и, между прочимъ, герцоги Периньянъ, Лагероньеръ, Рузъ, Сенъ-Вьръ и др. Французское правительство очень озабочено смутами, которые приближаются къ Парижу. Въ Навьхъ моделяхъ сложнаго гавантукъ, при крикахъ: «доходъ подвижнику гвардіи!» Кромѣ того, въ свѣркахъ департаментовъ происходятъ волненія между рабочими, англоими занятии. Депутаты этихъ департаментовъ, принадлежачи къ большинству, намерены послѣ пашки, представить запросъ правительству о продолженіи срока торговаго договора съ Англіею. Несмотря на огромные заказы, сдѣланные правительствомъ въ Лионѣ, Молдгауэтѣ, Торкуатѣ и Рубе, работники скоро будутъ опять безъ работы и въ этомъ случаѣ являются самыя жаркія пренія. Печальна, что правительство, для ублаженія свѣрхъ безработныхъ, принуждено будетъ сдѣлать уступки врагамъ свободной торговли. Въ Лионѣ жаркохъ ветеринарную школу по случаю безработныхъ, въ которыхъ, однако, не было ничего политическаго. Въ столовой ученики замѣшаны, оскорбленіи одного смотрителя и были наказаны. За это они отказались вѣтъ въ перья, какъ это дѣлалось обыкновенно, и хотя была лишняя выплата, но ушанъ почти всѣ и вернулись только вечеромъ. На другой день получена была изъ министерства дѣнѣхъ, которму приказано распустилъ всѣхъ учениковъ. Военная рабочая перешла и въ свѣрскую страну, которую въ настоящее время собираются присоединить къ Франціи. Въ Бельгіи, въ Шарлеруа, забвонувшихъ горные рабочіе, такъ что туда вытребованы были войска. Во всемъ округѣ Гевенга безработны усилваются. Въ Шателено была стрѣлана по народу; въ другихъ мѣстахъ происходятъ волненія, особенно въ провинціи, было много чубѣтыхъ и равненьихъ между опенерами и ладарками. Изъ Брюсселя посланы войска на мѣсто прошенійвѣтъ. Рабочіе въ Швеціи тоже бунтуютъ. Въ Трельгетвѣ провозили такіе безработныя, что войска вышлалось. Мѣстное начальство расчитывается на помощь воинскихъ стрѣлковъ, для усмиренія рабочихъ.

Волненія, по случаю набора подвижной национальной гвардіи, съ вѣдьями дѣньми принимаютъ серьезный характеръ и распространяются съ юга на свѣръ. Въ Бордо происходили очень жаркіе безработныя; въ Реннѣ проектъ уплатъ зимнихъ недоимокъ, однако, принужденъ былъ сдѣлать нѣсколько арестовъ. Нельзя было предположить, чтобы во Франціи случились что-нибудь подобное. Тула подала имѣрь неповновѣнныю новому военному закону; Нантъ, Монтюбънъ послѣдовало этому имѣрью и теперь, гдѣ не объявить наборъ въ подвижную гвардію, тамъ происходятъ безработныя, которые могутъ отстранивать отъ службы, потому что стоить только вооруженія Франціи. Въ 1867 году въ бюджетѣ назначено на этотъ предметъ 49 милліоновъ франковъ, потомъ потребовалось еще 11 милліоновъ. Въ бюджетѣ 1868 года назначено на вооруженія 41 милліонъ, а въ 1869 году 2 милліона, стало бытъ, всего 103 милліона, изъ которыхъ 15 употреблены на пушки, а 88 на ружья. Каждое ружье Шаспѣ стоитъ правительству 70 франковъ; переделанно

ружьей обходится въ 16. Франціи необходимо для вооруженія и запасныхъ магазиновъ 180,000 ружей и такъ какъ еще до этого цѣвры далеко, то въ бюджетѣ каждаго года будутъ новыи сумми-Словомъ, ружья обходится Франціи, по мѣлкой мѣрѣ, въ 50 милліоновъ. Считаютъ, что Россія встрѣтитъ на это не менше 130 милліоновъ; Австрія сдѣлаетъ безинтересныхъ ружей на 80 милліоновъ. Ружье Свейдлера, принятое въ Англіи, дешевле Шаспѣ, за то патроны обходится дороже. Англія назначила на этотъ расходъ 65 милліоновъ. Пруссія отказалась отъ ружья Дрейсе и приняла ружье Набита, которое дороже. Считая, ружья обходится Франціи, на мѣлкой мѣрѣ, въ 50 милліоновъ, вылетъ козальшия перья: въ милларды. И это называютъ миромъ!

Увѣрять, что попказа Луи-Наполеона въ Берлинѣ уже рѣшена и что онъ отдастъ вилнаты и другимъ государямъ, повѣстившимъ прошлаго-мѣрою парижскую выставку. Въ Парижѣ вилнаты брошюра: «Правда и заслуги наволеновской войны», которую присылываетъ Луи-Наполеонъ, хотя она подписана секретаремъ его, Гюна. Брошюра старается доказать, что дѣла и дѣлать въ Франціи спасательнаго Франціи и избранными на народъ, что въ теченіи популяризаціи династіи была избрана шесть разъ и каждый разъ число голосовъ доходило до милліоновъ. Тутъ преніемъ также всѣ великіе подвиги и благодѣянія дѣды и племянника, и особенно указываютъ на миролюбивое и либеральное направленіе послѣдняго. Брошюра избрана съ цѣлю подвѣдствовать благоприятно на будущіе выборы въ законодательное собраніе, но она не произвела никакого вліянія въ публикѣ, не возвысила биржеваго курса и оппозиція наладится на нее безжалостно. Сильнѣе всѣхъ нападокъ можетъ почется брошюра экономиста Горна, явившаяся какъ бы въ отвѣтъ императорскому манифесту. Подъ названіемъ: «Смотъ имперіи», авторъ изводитъ цѣвры расходовъ Франціи съ 1832 по 1866 г. Въ эти пятнадцать лѣтъ Франція изтратила тридцать милліоновъ и расходы увеличиваются съ каждымъ годомъ, что дѣлаетъ невозможнымъ, если не пруступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, то надобно ожидать важнаго кризиса. Это мѣрне разгадывающія и самохвальство императорской брошюры; она даже расходится плохо, и это доказываетъ, что пѣвъ ее не достигаема.

Германія. — Въ Берлинѣ король открылъ засѣданія свѣргерманскаго рейхсрата трюмной рѣчью, въ которой объявлялъ о необходимости разработать внутреннѣхъ учреждений свѣргерманскаго-союза и выражалъ надежду, что вилнѣ не будетъ нарушена и не помешаетъ труднымъ рейхсрата. День рожденія короля и крестный его вывукъ праздновались въ вилнѣнемъ году величественно. Посреди наемниціи отличался роскошью освѣщенія дома русскаго и французскаго посольствъ. Въ этомъ видѣтъ себя несомно, то соблюденіе трехъ правительствъ. Свѣргерманскій союзъ открытъ повѣрительствомъ Румини, которая старается въ вилнѣнемъ обходженіи отъ Турціи. Въ Ваденѣ употребляютъ вилнѣ на телеграфныхъ, теперь имъ поручаютъ почтовые станціи и мѣста кассировъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Астрія. — Министръ внутреннихъ дѣлъ, Гиска, представилъ императорскому рейхсрату проектъ закона, по которому администраціи совершенно отдѣлена отъ юстиціи. Вообще администраціи права ограниченны, а общины и окружныя распорядки, число должностей вилнѣ уменьшено, но жалованье правленю; формальности, останавливавшія ходъ дѣлъ, уничтожены; словомъ, это первый шагъ къ централизаци. Разумеется, все это возбуждаетъ сильное сопротивленіе тѣхъ, котормъ прежняя система была выгодна, а потому министръ положилъ дѣйствовать со всевозможною осторожностью.

Ретроградная партія потеряла сильное поразженіе въ вилнѣнемъ пѣлѣ рейхсрата по поводу закона о гражданскомъ бракѣ, и общественное мнѣніе, понимая очно хорошо, въ чѣмъ дѣло, называетъ этотъ законъ закономъ конкордаты. Палата отвергла большинствомъ предложеніе графа Менсдорфа — Пуалы, который хотѣлъ отложить пренія, пока въ свѣрхъ съясняется Римъ». Продолженіе мнѣшательства комиссари, вѣральной проекту, было отвергнуто большинствомъ и законъ принятъ, какъ утвердилъ его палата депутатовъ. Она побѣ-

Фаустина.

Винсманнъ.

Саво.

да привела въ восторгъ жителей. Законъ о народномъ образованіи тоже не стѣснитъ пренятствія, несмотря на сопротивленіе консервативной партіи. Меньшинство кониса хотѣло оставить духовенству высшій надзоръ надъ воспитаніемъ, однако, и тутъ ретроградъ должны ждать пораженія. Глава этой партіи, графъ Туль, послалъ свою отставку въ палату господъ, гдѣ онъ насѣдственный членъ, говоря, что конституція больше не существуетъ. Палата не приняла отставку и отослала ее къ графу, потому что одинъ императоръ можетъ снять съ него его названіе. Военный министръ генералъ Кинъ, разсказавъ циркуляръ къ полковникамъ, спрашивая ихъ мнѣнія, не пора ли уничтожить совершенно тѣлесныя наказанія, существующія въ австрійской арміи, за некоторые важныя проступки, потому что гражданскіе законы уже уничтожили эти наказанія. Отвѣтъ всѣхъ военныхъ начальниковъ единодушенъ и всѣ требуютъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ арміи.

Большинство по закону о гражданскомъ брачѣ было отложено и только семидеять голосовъ протестовали противъ этой реформы, восторженной народомъ съ восторгомъ. Пріятіе этого закона можетъ почесться побѣдою прогресса надъ старыми порядками и само правительство способствовало всѣми силами къ успѣху закона. Министръ Гаснеръ защищаетъ смѣло и благородно дѣло гражданской свободы, нападая на конкордатъ. Графъ Антонъ Ауэршпергъ пребываетъ, что со времени восшествія на престолъ Франца-Иосифа объявлена была свобода религій въ имперіи и правительство не имѣло права заключать трактаты, противорѣчающія этой свободѣ. Графъ Гарлицъ и генералъ Габленецъ говорили тоже въ поль-

зу закона и вообще эти пренія останутся памятными всей Австріи.

Италія. — Пожалованіе кардинальской шляхи принцу Бонапарте было не столько любезностью къ наполеоновской династіи, сколько средствомъ для сохраненія папской власти въ Римѣ. Пій IX, разговаривая со своими кардиналами, выразилъ имъ желаніе, чтобы послѣ его смерти выбрали на папскій престолъ новаго кардинала, родственника Луи-Наполеона, и окружающее нату согласилось, что, действительно, это будетъ лучший выборъ. Стадо было, конечно, знать заранѣе, кого выбрать и въ такомъ случаѣ Франція будетъ повороватѣльницею свѣтской власти папъ и не выведетъ своихъ войскъ изъ Рима. Разсѣютъ довольно доковій, только вредъ изъ Италіи останется имъ довольно. Возвращеніе останковъ Маннини въ Венецію послужило поводомъ ко многимъ демонстраціямъ. Три года назадъ, Фердинендъ празднолюбивъ Данта и гонимолверъ города пригласилъ Виктора Гюго участвовать на этихъ празднествахъ: теперь Венеція просила его почтить искомными словами гробъ Маннини. Вотъ отвѣтъ поэта:

«Готвальдъ-Гоуцъ, 16-го марта 1868 г.

«Мнѣ пишутъ изъ Венеціи и просятъ, чтобы я сказалъ слово въ знаменитый день 22-го марта. Вотъ мое слово: Венеція была отнута у Маннини, какъ Римъ у Гарibaldi. Мертвыи Маннини снова овладѣвъ Венецію. Гарibaldi вступилъ въ Римъ живъ. Франція не имѣетъ права держать въ Римѣ, какъ Австрія не должна была владѣть Венеціей.

Одна и та же узурпація будетъ имѣть одинаковый конецъ. Это неизбежное разрышеніе увеличитъ Италію и, въ то же время, возмечитъ Францію, потому что всякое справедливое дѣло, въ то

же время, великое дѣло. Свободная Франція протянетъ руку одной и цѣлую Италію. И оба наци будутъ любить другъ друга. Я говорю это съ глубокою радостью, потому что я слышу Франціи и вижу Италію. Тенерешій триумфъ Маннини предсказываетъ скорый триумфъ Гарibaldi. День 22-го марта—день полный надеждъ. Подобная похороны много общаются. Маннини былъ воинъ и загнанникъ. Онъ боролся за принципъ и высоко держалъ мечъ свѣта. Какъ Гарibaldi, онъ былъ кротокъ и полюбъ героизма. Свобода Итали, покрытая, но видна, стоитъ за его гробомъ. Она скоро сброситъ свое покрывало и тогда превратится въ миръ, не переставая быть свободною. Вотъ что означать возвращеніе Маннини въ Венецію. Въ такомъ мертвецѣ, какъ Маннини, много надеждъ.

Викторъ Гюго.

Надъ гробомъ Маннини произнесено было одиннадцать рѣчей. Между прочимъ, Легуве, въ своей рѣчи, доказывалъ, что союзъ между Италією и Францією заключенъ, благодаря Маннини, что Венеція никогда не переставала быть значимотою, несмотря на то, что замечена была въ числѣ націй. У ней былъ свой посланникъ во Франціи, Маннини и влѣніе его не угасло. Визаранскій трактатъ обидѣвъ Венецію, но въ 1866 году она получила свободу, потому что память Маннини требовала этого.

Англія. — По ирландскому вопросу парламентскія пренія сдѣлались очень важны. Гладстонъ первый сдѣлалъ изъ него кабинетный вопросъ, а Дизраелъ объявилъ, что онъ не побѣдитъ въ отставку, если и будетъ пораженою оппозиціей, а распуститъ парламентъ. Гладстонъ настаивалъ на религиозномъ вопросѣ, требуя совершенно равныхъ правъ для обоихъ вѣроисповѣданій. Если мани-

Посланка около Мавна.

Видъ мѣлнй Верни около Вильмы.

стерство не представляет определенного и практического плана, то оппозиция должна будет потребовать этого формализма образом. Стороны хотят видеть серьезное поручительство в будущем». На это Диразри возразил, что оппозиция не составляет компетентного суда, чтобы решить этот вопрос. В этом докладе были признаны все Англия. С обеих сторон это значило угрожать противнику. Диразри и в прошлом году объявил, что распустил парламент, как скоро был управлен его сдвинуто кабинетный вопрос. Но удается ли теперь эта тактика? Лондонский епископ представляет в палату лордов petition против поступления на университет должности судьи, непринадлежащих к духовному званию. «Что будет со образованней в Англии, говорит епископ, если к нему допустить частных лиц и отстранить духовных особ!» Англия поговорила! Видно, что духовенство всегда остается одиноко.

Испания. — В провинциальном городе, близ Мадрида Вилла-Виньоа произошло самое дикое преступление. Сие незамысловатое преступление состояло бычially из того, что в первом воскресенье после Пасхи и в Мадрид это было не замечено. Но в провинции, при составлении нынешнего министерства, епископ ригиднейшим образом запретил все браки, а гражданская власть теперь больше всего боится духовенства. В Вилла-Виньоа объявлен был подобный брак в частном доме, но возмущенный приходский священник вызвал народ вооруженным, ножами и, окружив дом, угрожал смертью любому, кто выйдет туда. Их оказалось, было много, которые не выжили и их переранили: в то же число в изобилие дамы и комендант гражданской стражи.

Турция. — Константинопольские журнальные корреспонденции не объясняют причины внезапного увольнения военного министра, который был оставлен на другой день по возвращении великого визира из Канди. Мегмет-Рундипаша большой друг и старый товарищ Алипаша и Фуадпаша, которые в свое время узнали о его отставке, тогда как Намикпаша не переставал в их адрес, как раньше и сейчас реформы. Просто это то одно соображение султана, или Рундипаша принесен на жертвенное пламя, чтобы отстоять все преобразования! Если последняя гипотеза верна, то можно поздравить Турцию. Она, вероятно, даже на словах, успела уверить других в желании произвести реформы. Турецкое правительство отвергло все требования Чернойгор и депутаты Чернойгор собираются выехать из Константинополя в свои отечества.

Сенатские штаты. — В Вашингтон начался процесс президента Джонсона. Адвокаты президента представляют ответ на обвинение. Они опровергают все обвинительные пункты и требовали, чтобы прения были отложены на месяц, потому что им надобно приготовить все оправдание. Однако, сейчас не хотеть тянуть этого дела и отвергнуть требование адвокатов большинством сорок одного голоса против двенадцати.

Музей Эрбагского замка.

Город Эрбах, на Майне, находится в живописной местности и имеет 2,400 жителей. Оны замечательны старинным замком графа Эрбаха. И замок и город принадлежат к XIV столетию, хотя там находятся сады римского владычества, именно круглая башня, от которой сохранились развалины.

В Эрбагском замке собраны цыгань музей. В музее находится древняя обувь, между костюмы и вооружения средних веков. Между ними замечательны штаны: Козьма II герцога Флоренция, который умер в 1821 году в рыцаря Конрада фон Кюнсберга. Первый изображений, стоящих в красном вооружении, в шляпах с поднятым забралом, в кружевной воротнички, так что его костюм не совсем военный. Рыцарь же борздал златые шелк и железно и одна половина на человека, сдвинута то же на загнутом в погортку латина ковы. Безобразия всего шляпы формы, без замкнутых отверстий, странной рыцаря и еще ее рогати, что должно было служить неприятеля. В сравнении с нынешнею военною формою, это рыцарское во-

оружие покажется чудовищным, но тогда дрались только в рукопашном, и все тогда в шляпах с рогати не отстоять противы замкнутых нарядных ружей и колчесских пуги.

Из античных ридностей Эрбагского замка замечательнейшие бюсты Фаустины-Антонии (Амния Галерия), жены императора Антонина Пия, умершей в 141-й году по Р. Х. Она прославилась своим порочным жизнью, тогда как муж ее был образованным добродетелем. Она была дочь Анния Вера, потомка Нумы, тетка Марка Аврелия. Римские старики не щадили ее. Юлий Капитолий предостерегает ее в своих стихах. Она умерла 37-ми лет, на третьем году своего царствования. Трое детей ее: Галерий, Аврелий и Фаула умерли в молодых годах, четвертая дочь, также Фаустина (Амния junior), жена Марка Аврелия, превозмоща распустила свою мать и даже Мессалину Антониню, но знала о постыдной жизни своей жены, или не вера рассказываю о ней, возмезд ее, по смерти, в богини, воздвигнув ей алтари и храмы, выдвиг в ее честь медали, изъ которых одна посвящена учреждению Фаустининых игр, при чем заслуживаю благами, поощрялись жителями и посетивающимся на счет государства под покровительством императрицы.

Другой античный бюст Эрбагского музея с строгими, и чти мужскими чертами, изображает знаменитую Сафо. Мы представляли в прошлом году бюстругию этого замечательной поэтессы, с ее оценок и переводом ее произведений.

Представляем также рисунку костюма поселки на берегу Навского Мыса. Онъ ходит на работу в короткой юбке, босяноги и перестает бошня ноши на голоду.

Видъ ильвий Верки.

Изъ окрестностей Вильны самая замечательная, это ильвий Верки. Оно принадлежало прежде епископу Московскому, теперь перешло во владение князя Вагтенштейна. Разрушились дворец перестроен, и в нем находится много драгоценных и вазных предметов.

СВАХА.

(ЩЕКА ИТЬ ЖЕНЩИНА В УРАЛЬСКОМ ЗАВОДУ.)

Веселый день кончился к вечеру. Крестьянка Невзеля, собравшись в кружок, по обыкновению, передала, как говорится, из одного в другое. Бабы, грунами разбавлялись в тина домов, занималась разговором или спором; голоса раздавались на всю улицу. Дети, разбегавшиеся в лучшие праздничные сараваши, играли хороводы: около них толпились холостяки, как непревзятые сутяжки. Дети, собравшись в кружок, предъ витевой дочкой, забавлялись зрелищем, как две рыбоборцы борются, под звуки двухструнной балалаки, намеряясь откатить трешка, джади уморительная евангелия и гжадовжения, проговаривая:

Рыбки прасого спросила:
Чья ты бороду красяла?
Я на солнышке лежала,
И верку бороду дерзала...

Здесь же, в водосточном канале, в котором была одна издала грязь, ильскою человеком силаи крикливою спомъ, вбродило, уже чередурчъ кусвикъ познания добра и зла (такъ здесь называютъ северную свуху).

В это время, в том же себъ Невзеля, в довольно опрытой горенки за столом сидят: старик почтенный, парубокъ и женщина сданныхъ летъ, в изысканномъ роскошномъ молочно-плате крестьянского покроя.

Женщина, поведомую, только что с нутра она похвалкамъ платкомъ вытираетъ лицо отъ пыли и пота. Отершись и позволяя платокъ за лавку, женщина, некая глядя на лицо старика, заговорила:

— Вотъ, родимый мой Потанчык, правду говорить пословица, что «гора съ горой не сходится, а человекъ съ человекомъ встретится». Вотъ я и шажъ съ тобою, не думаю, не гадаю, вотъ правду свидится. Зрюювелью ли живете?

— Сама-бору, живемъ...

— Мама-бору здорова ли?

— Здорова и она...

— Дай-то Господи, за вашу добродетель и сми-

ренности! Она, вода чить, играть въ хороуды: видъ двао двинце, сами таковы были...

— Думая, что тамъ. Да ты для чего пожаловала?

— А не стану подходить окольными дорогами, какъ невяжи джають... Видишь, вотъ что, родной мой Потанчык: у тебя есть товаръ, на который намолас хороний покупатель и послалъ меня порадиться въ джаы.

— Я не торговалъ и не торгую, а продавала у меня иль въ ничего...

— Полю, не аргачишь, а соглашайся.

— Въ тебя не поволаю...

— У тебя, видъ, есть дочка Мама? Ну, вотъ в товаръ, на который намолас купить — мой племянникъ Ваня.

— Значитъ, ты сваха?

— Сваха, родимый Потанчык: привила на себя поручение.

— Джао. Поговоримъ, да и джау кончить.

— Погодакумъ, да ты джау кончить.

— За кого ты сватасы?

— И въ джау сказала, за моего племянника Невзельку.

— Да кто же иль твой?

— Онъ мый племянникъ по матери. Да ты меня развѣ не знаешь?

— Признаться — не знаю...

— Ну, вотъ! Я жена старшого заводского конторщика.

— Кто жъ Потанчыкъ-то?

— Тимовъ Григоричъ Стрѣжикъ. Неужели и его не знаешь?

— Знавалъ, когда онъ былъ еще мальчонкомъ.

— Вотъ, видъ его жена, а сватану за сына Федуса Матрива Частогубова, за котормъ мый родной сестра Агния.

— Частогубова знаю. Неужели у него сынъ женихъ?

— Поаны женихъ, скоро ему минуетъ 18: настойная ягода!

— Подлю ты...

— Красавецъ въ мать, а умникъ въ отца.

— И ты сватасы моему Маму за этого?

— За самого за него... Согласенъ, чѣ ли?

— Что тебе сюда послать сватать-то?

— Самъ женихъ.

— Неужели да него невѣсты не нашлось за завод?

— Именно такъ. Празда, у насъ въ заводъ много и богатѣе, и изъ хоронихъ домовъ: добродъ прихачивающихъ, конторщиковъ; беру джуберъ отдадутъ съ полнымъ удовольствиемъ — да все не нравилась, поэтому не подъ шару.

— И это не сама ты выдумала?

— Госди, подумай! Кого сама... да я, показавъ, скажу по порядку, какъ было джао.

— Ну-ка, скажи.

— Прихую и въ ильмъ вѣра въ гости. Они все трое шли чѣ; ну, знаю джао, пригласила на меня, да я сказала, что Ваню, ильмъ невяжи, намерѣна жениха. Я подумала; хоть правда, что она джау мѣсяца еще не вышла.

— Зачѣмъ же торонишь?

— Какъ зачѣмъ? Ты въ джау знаешь, что не эдаки свинито поддываювелью... мы на своемъ вѣку видали — дожили до гроба и смужъ мужичина не женивши, а ильмъ всевысидать джаы-то! Вотъ и говорю: жените мое, женитба — джао божье, женитба всегда степеней.

— Это правда.

— Какъ не правда, родной. Мой мужъ, къ слову будъ сказано, въ эти годъ-то было уже помоло.

— Что такое «помоло»?

— Скавать проше: стаа чѣрствъ расплатили, значитъ: стаа ильмъ вино, шарты по джаычымъ послысавелью. А ильмъ ульмъ совсемъ не то. Ильмъ, когда и вылетъ, такъ дома, ильмъ со мной: вотъ, что значить «помоло»!

— Ну, а женихъ-то еще не черствъ?

— Ваня-то? Ильмъ, Федукъ Матривъ знаешь, какой строгий... То-то намъ и откоа наркнть его, пока еще свѣтъ... Потому мы вѣра рѣшила иди сватать.

— Въ рѣшила, но согласенъ ли женихъ?

— Еще бы! Ваня говоритъ, что жениться готовъ съ раздолью, только бы, говорить, невяста была не орду! Дотъ мѣ и ставъ перебрать джаы: во все вѣе ороромъ, ему возвращать. Дѣ же, моль, ты объявилашъ по себѣ-то! А онъ на прики и сказалъ про твою Маму.

— Неужели?

— Право, «Я, говорит, знавал дочь Потанича, когда он еще жил в завод: это, говорят, настоящая красавица, как есть достойная меня... Ты, говорят, твоя мастерица, завтра поведает в Потаничу в сказки ему...» Ну, вот, я и приехала.

— Но кому, такой жених, как валь Ивань, должен выбрать невесту, впрямь красавица, еще с хороничь приданым, то-есть с богатством, а вдова Мама, кроме красоты, ничего и не имеет.

— Это сказала и Авдеева, но Ваня отбавлялся за богатством не потому, потому, благодаря Богу, не прожить своего... для меня, говорят, была бы красота.

— А его свободу отец не противится?

— Ишь, Федусь Митрич только сказала: «Правда, от Потанича приданое не жди, да оно и не нужно; только бы, говорят, Бог не переделал грехица, богаты будешь и безъ его приданого.»

— «Сказки, говорят, Потаничу, что я его Маму сядуна съестником; буду иль вить чисть весте...» Я, говорят, не допущу ровню ни до какого дьява; парняк как барыню и посажу в конюшю, как иташечку.»

— Сказано красно, только исполнятся ли на дьяв?

— Думу проваказано, что будет такъ точно!

— Этого ты знав не можешь.

— Знаю, потому и говорю... У него родной батюшка вездь съездил, а вездь поелотъ чисть конюшю чисть. Охъ, а вездь, знаешь, какъ барыня: не только исполнитъ какую-нибудь работу по домашности, даже и збу допотопъ считаетъ за уважение. Вездь доводитъ управляютъ работница, а она только и знаетъ понаеживается. Развѣ это не чисть?

— Жить праздно, ничего не дѣлать в грѣшно, и стыдно, говорятъ добрые люди...

— Ишь, вѣдь жить такъ не должно. Прямую, скажу про себя: и жена конторщица, мучю мой въ болыномъ и вездь поелотъ; ну, я стапу исполнять работнику, какъ будто женомъ какого-нибудь мужика! Ишь, мы должны доказати, что насъ не напрасно называютъ образованными!

— А моя Мама отъ посылки работы не прочь. Да оно и хорошо: пословица говоритъ, что «дѣлу время, а потѣбъ часъ.»

— Теперь-то такъ, но вѣдь оно будетъ въ знагомъ домъ. Такъ когда-же мы устроимъ завод-то? — Не знаю еще, согласен ли Мама? Можеть быть, ей жениха не полюбилъ.

— Господи помилуй! да ты развѣ не отецъ ая? Неужели, ты ей позволишь выбрать жениха по своей воли?

— Разувется, я не хочу идти наперекоръ ей сердцу и лишитъ ей счастья...

— Да и вѣдь ли Ваня ей не полюбилъ: у насъ въ завод не одаки дѣвки, и то его въ горьки вь рахвалъ. А ты, Потаничъ, слынешъ за дочерью умаго и строгото, а савъ позволишь человеку иесть жениха по сердцу. Дѣй что ты видишь?

— А вездь порядкомъ глѣбъ.

— Ну, ужъ иль не «дѣлать дѣлать!» У насъ въ заводъ, знаешь, какие образования, можно сказать стобольные: да и то своимъ дѣлѣмъ возмачать не позволяютъ, а впрямую ихъ слушаютъ во всему. Скажу про себя: а до выхода замужъ, своего Ваня не любилъ, какъ собаку, прости Господи меня грѣшнику, потому что былъ одакой долготерпимъ, работавъ не пошла наперекоръ отцу. Ты скажи: вотъ, моя, Мама къ тебѣ привесалась такой-то, согласен ли? Если скажетъ ишь, такъ притрози: скажи, что лишитъ ее своего богатствомъ.

— Какъ же это можно?

— Я, пожалуй, научу, какъ: одинъ разъ переродитъ, батюшка мой, царство ему небесное, приходитъ изъ конторы, да и говоритъ матушки: «Мать, скажи Параньку-то, чтобъ она шла дая: се пресваталъ за Тимку Стрѣльниа.» Я дожда на печу: услышавши отъ, такъ и ахнула, да и прирласъ красать: «не поуду, твои парьжики не валею кислицы; лучше угодишь, даво удавешъ, а не поуду за этого срамного носаря!..» А онъ поповилъ: «не дѣлать дѣлать!» Да и съелъ такъ шель: а вотъ, говоритъ, и тебѣ поуду: да еще лишу своего богатствомъ; тогда съянешъ, какъ муха. Развѣ, говорятъ, и тебѣ жальна муха? Развѣ не знаю, что дѣлать: паренъ изъ всей конторы смиривавъ такой, кой вѣй изъ него веревки? Я и верорласъ: вышла—да съ самото перва-

го дѣла свадьбы и полюбила моего сердчного, крѣпко-накрѣпо.

— Я рѣшится не могу еще и потому, что не знаю жениха.

— Его въ заводъ знаетъ старей и малый.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Теперь пока — ничѣмъ, потому что самъ Федусь Митричъ въ немаломъ у начальника.

— Да женихъ-то вѣдъ какъ: заводскій сужителъ или изъ стобольныхъ?

— Неужели ты, родимый, не знаешь, что отъ слугачества всегда родитъ слугачевъ, а не портовой или купецкой? Ваня заводскій практикантъ. Занимался въ конторѣ на духъ дѣлованья, говоритъ, малое; а все будъ тамъ, да еще подъ начало... Вотъ, говоритъ, когда-судя въ желѣзные надиратели, тогда заживу... То-то и есть, родной сватушка, зятек-то у тебѣ будетъ не кое-кто!

— Да в какой должности онъ, кажется, еще молодъ...

— Молоды, да Иванъ Степаничъ общилъ неперевимо.

— Кто такой Иванъ Степаничъ?

— Неужели ты его не знаешь? Это мой родной братецъ Хавкашичъ. По секрету будъ сказано, онъ добивается должности главного прикащика.

— Да теперь-то онъ кто?

— Теперь, второй годъ, домашнимъ секретаремъ у Василья Степановича, а прежде будъ старшимъ помощникомъ управленогого.

— Помню... должность славная; за что же его уполнил?

— Ты, родимый, знаешь у насъ вѣдь какіе общилки: другъ друга вѣять. Ну, вотъ его и оклеветали, обесилъ, будто онъ пьянствуетъ больше всѣхъ слугачевъ; а отъ этого-де происходитъ болышия учущенія по обязанности... Тамъ не справились, что доносить нѣмаетъъ вѣдое болышего, а смѣли...

— Это дѣло... а кто же на него допал?

— Петръ Максимычъ—старый конторщикъ.

— Но тотъ ли, который ошпал?

— Онъ самий: образовался, что братца свѣдѣния, напался, да и окаялъ въ конторѣ же.

— Съ радости, видно.

— Знаю дѣло.

— А если Хавкашич не получитъ ожидаемой должности, свѣдѣтельно, и Иванъ останется безъ работы?

— Какъ не получить!... Душу проваказую, что онъ на своемъ поставитъ: ему не въ первый разъ.

— Чѣмъ же ты увѣришь?

— Онъ два раза на бумажъ, какъ говорить, «документально» доказываетъ, что Петръ Максимычъ закоренитый пьяница, потому что ошпался.

— Что же ему отъѣшаш?

— Пока еще ничего, а съ управленогого онъ живуть душа въ душу; и тотъ самъ общилъ ему неперевимо... вѣдь онъ иль купцовъ, челявизъ, челявизъ, съ саудеками общилъ, далеко не такой, какъ будъ прежде него, нечестивъ.

— А здѣшній мужикъ говоритъ, что управленогого челявизъ нечестивъ нераспорядительный.

— Чего знаешь эти хамы! Спроси-ка на пробу моего знакома, или братца, такъ они и скажутъ, что Василья Степановичъ самый умный челявизъ въ свѣтѣ. Они даже разъ, свѣдѣвши насъ, на счетъ его поспорили. Мой хозяинъ говоритъ, что Василья Степановичъ «малоосеръ, потому что маленкий, тоненький, волосомъ откусываетъ нацѣпъ—дѣлается въ блѣду влѣтучу; востра, дождъ и неумъ являть изъ приближенныхъ слугачевъ, что въ сажаетъ на ступъ подѣбъ себя, и тогачъ копка.

А малоосеръ отъ простыхъ людей вездь чѣмъ-нибудь да отпачивается. А братецъ моему хозяину говоритъ, что Василья Степановичъ образованный, потому съ мужиканъ много не толкуетъ, какъ поддъ генералъ, а на всакое дѣло имѣеть свое время: въ свое время объедаетъ, гуляетъ по двору, куритъ и свитъ. Братецъ такъ говоритъ, потому что тогда его влѣзъ въ Питеръ учился въ механику, а тамъ и слыхалъ, что всѣ образованные люди на всакое дѣло имѣють свое время.

— Но управленогого бывають ли на обязанности-то?

— Въ конторѣ заходить вѣрѣдка—такъ, между дѣлъ.

— А на фабрику-то?

— Что за фабрика, коли вотъ скоро два года, какъ въ нихъ ни ступють, иль брываетъ...?

— Такъ, Чѣмъ же они покончили своей споръ?

— Они оба, правдаться, были вышнати, такъ и расхолодены до того, что, пожававъ, вь драгость, не ушли, и заключили, что Василья Степановичъ челявизъ умный. Да это а впрядъ: съ саудежельскія братца, или, какъ говорятъ мой хозяинъ, «заводскія заговорителъ» или доволна-раздольна—а это-то и доросло.

— А работѣ такъ говоритъ, что управленогого на распорядительной части не стоить смѣшавать: вотъ, говорятъ, онъ общилъ пустить въ дѣйствиэ заводъ, корчить все общаго главеноего, а между тѣмъ, корчить безъ работы и голодомъ; дажо не размычавъ за старую работу, тогда какъ заводскія денги расхолодуютъ по пусту...?

— Ты не вѣдьшь имя! Василья Степановичъ челявизъ уважительный: онъ любитъ, чтобъ изъ нему ходилъ съ поповной, какъ вездь прежде...

А вѣдъ мужикъ нечужъ, грубиянъ—хотъ его развалитъ: имъ только во дана! Онъ думаетъ, что стали вошны, такъ и кричи! Ишь, братъ, погоди: съ Васильемъ Степановичемъ много не издобротилъ: онъ азвѣстѣтъ и въ Катавъ и въ Симу; его знаютъ и мировой, и становой, и заводскій исправникъ; онъ бывалъ и въ Питерѣ... а мужикъ что?—неужъ чийъ никто не знаетъ! Да, они стали ни на что не похожи: стачочные ли дѣло, вотъ такъ—теперь здѣшней улицы хвала я и ондыъ болышь вѣдь не покончили.

— Право, А въ прѣнное время за версту бы увидѣли, что дѣять конторщица.

— Она, можеть, тебѣ не узнала!...

— Какъ не узнать! Я слышала, они перешептавались: кто дѣять конторщица?.. Стадо, узнали... да вѣдь не хотѣтъ шапки свѣтъ.

— А все я не знаю, вѣдь Иванъ получилъ ли должность надирателя...

— Братецъ много разъ болшея, что вездь средоточью прироститъ въ заводу: моего хозяина хотѣлъ съдѣлать заводскимъ съидетелемъ, Федусь Митрича — контролеромъ, а Ваню, какъ я сказала, надирателемъ.

— А если онъ и самъ не получитъ, чего ожидать?

— Да онъ не только это — только ты, родимый мой сватушка, до времени ни гу-гу, а то будыъ даже хочеть современно смѣнить и самого управленогого-то... Ну, а ты знаешь, что если всъ глѣвато будуть свои, тогда у твоего знакомыя заведуетъ и денжика: дождъ будеть.

— Знаю-то знаю, да полагаю, что такъ лишитъ денжика грѣшно...

— И, родимый! вѣдь будеть грѣхъ только одинъ Богъ, а мы люди: у насъ вѣдь только этимъ и живуть.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Шуты на Руся.

Что можеть быть позорнее униженіемъ названія, а тѣмъ болше званія «шутъ»? «Сторожный шутъ», «шутъ на Руся» и пріемы подобнаго характера не будутъ приняты глѣбъ-нибудь за пошлость. Это доказываетъ, что шуты, также какъ и «семерохы», пользуются оченъ дурною репутацией. Попробуй взглянуть на дѣво поближе, чтобы увидѣть, что не всегда такъ было.

Очень естественно каждому спросить себя: что за народъ эти шуты, откуда они вѣзались, какою потребно-то были вызваны въ жизнь? У славянъ дохристіанскія никакого спеціальнаго чина шутовъ не было: но отсюда незначе съводитъ, будто шутовъ у славянъ не было вовсе. Неприятны шутамъ, отъ времени до времени, были вѣсь безъ исключенія. Вотъ чѣмъ это доказывается:

Каждому извѣстено существованіе повсемѣстно въ Россіи и до сихъ поръ—обычай нарижаться на сваткахъ. Въ настоящее время смыслъ этого общаго утраченъ. Наружаются по привычкѣ, по традиціи, наконецъ, да до того, чтобъ а себя потѣшати и да другихъ пошлѣти. Словомъ, нарижаются ради шутности. Но у славянъ и было ни одного общаго слова и пріемы подобнаго стобольно до перенесенія илькъ релігиознаго смысла. То же самое надо сказать и въ отношеніи къ обычаю, о которомъ мы говоримъ.

Объясненіе нетрудно и несложное: еще въ древнюю, языческую пору существовало у варда дѣрванце, что съ половины декабря созане поворачивается на дѣво и вѣсь съ тѣмъ, въ

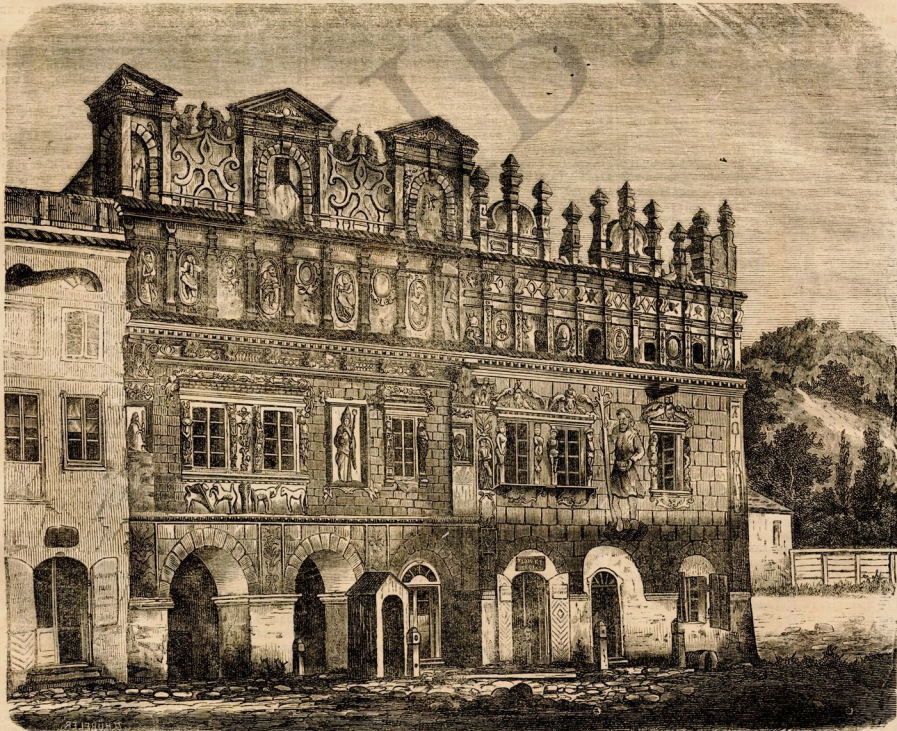
природѣ начинается рядъ превращеній; увеличивается число дневныхъ часовъ, зимѣ на морозъ поворачивается, затѣмъ солнце прибавляетъ теплоты. Подражая этимъ превращеніямъ въ природѣ, славяно-язычанки измѣняли обыкновенныя одежды на необыкновенныя, на лицо надвѣвали «харды» и какъ будто сами измѣнялись. При общей пространственности и обязательности этого обычая для каждаго, каждый имѣлъ и платье скоморошеское, въ которое наряжался, когда слѣдовало. Одна изъ нашихъ балладъ говоритъ о «Добрынюхъ» платьѣ скоморошескомъ, въ которомъ онъ, чтобы не быть узнаваемымъ, является на свадьбу жены своей Настаси съ Алезею-поповичемъ. А Добрыня—представитель борскаго сословія; если ужъ у него есть платье скоморошеское, въ которое онъ наряжается, то за другими, меньшими людьми, еще болѣе основана признать то же самое.

Самю собою разумѣется, что о шутовствѣ тутъ еще не можеть быть рѣчи. Тѣмъ не менѣе, источникъ, изъ котораго возникло такое явленіе какъ шуты, коренится именно въ этомъ религиозномъ обычай славянъ. Пока славяне были язычниками, обычай входилъ въ ихъ религію, почитался святымъ, такъ что никому не пришло бы въ голову отыскать въ немъ смѣшную сторону, но со введеніемъ христіанства все до-христіанское превращается въ нечисть. Тогда-то возникаетъ пошлость, что каждый, на святкахъ ридившіяся и надвѣвавшій на себя «харю», долженъ омыться отъ этого грѣха въ проруби, въ которую въ богоявленіе погружается крестъ. Этотъ обычай кутаться въ проруби въ зимнюю существовалъ и у славянъ-язычниковъ, но никакого очистительнаго значенія не имѣлъ, и даже, напротивъ, былъ тѣсно связанъ съ обычаемъ наряжаться; кутанье въ проруби

Косьма II, герцогъ Флоренціи.

было первое несомненное удовольствіе, которое доставлялъ себѣ народъ, припоминая, что «солнце—на лѣто» и забывая, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, «зима—на морозъ». Со введеніемъ христіанства два, до сихъ поръ родственные обычая сдѣлались враждебны и, кромя того, каждый порознь, уже не имѣлъ прежняго значенія. Это—прекрасный примѣръ того, какъ христіанство переработывало народныя понятія. Христіану, а тѣмъ болѣе христіанину-царю или боярину зарано казалось наряжаться въ шутовское платье, между тѣмъ, привычка была сильна, обычай вѣчнаго не забывался, потребность повеселить сердце и отвести душу не пропадала. Оставалось—нарядить въ шутовское платье другого. Такимъ образомъ возникаютъ шуты при дворѣ царя, дворовыя скоморохи во дворѣ боярина, воеводы. Шуты царя и скоморохи казого-нибудь воеводы, конечно, далеко не одно и то же. Первый былъ неразлучнымъ спутникомъ царя, которому, шутя, высказывалъ тайны истины, каковыя серьезно не рѣшился бы высказать никто. Шуты зналъ «святый и обычай» своего владыки и рѣдко терпѣлъ за свои шутки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему хорошо были известны всѣ придворныя интриги и политическое состояніе страны. Въ драмѣ гр. Толстаго «Смерть Ивана Грознаго» шутъ совѣтуетъ Грозному заманить бояръ шахматными кулаками, говоря, что эти пошляки не будутъ, по крайней мѣрѣ, даромъ хлѣбъ есть... Помимо также, что по удаленіи Грознымъ Маріи Нагой, ее родственники, бояре Наги, пришла въ шестю и крайнее разореніе; шутъ вымощиваетъ у присутствующихъ «вагому на рубашку». Эти черты совершенно вѣрно характеризуютъ древняго шута. Шутъ боярина воеводы вовсе не былъ приближеннымъ особою своего владыки. Мѣсто его было не въ хоро-

Дворецъ въ Келцахъ.

махъ, а въ людской, былъ онъ съ холопами и только иногда, во время какого-нибудь семейнаго праздника, всегда сопровождавшагося пиромъ, появлялся въ бальной гостиной потыкать сытое барство. Его часто били, иной разъ ради потыки, иной и просто потому, что отчего же и не побить человека, у котораго нѣтъ права защиты. Всегда и всѣми оскорбляемый, шутъ мстилъ за свое беззачье такъ, осмотрительно. Какъ старъ дѣвкъ нашего времени или приважалъ недавно, шуту больно, досадно, тяжело было видѣть чужое счастье. Шлономъ, доносимъ, самыми гнусными предѣлами онъ добивался-таки того, что разрушалъ счастье другихъ. За это его еще болѣе презирали, какъ вредную гадину, но скомороху другой дороги не было; не мытемы, такъ катаньемъ, не прямымъ путемъ, такъ подземнымъ. Образецъ такого шута представилъ Островскій въ комедіи «Воевода», гдѣ скоморохъ воеводу разстриваетъ планъ побѣга дочери воеводы съ молодикъ Басурковичемъ. ... Шуты и скомориха какъ при дворѣ, такъ и въ частныхъ домахъ были явленіемъ, очень распространеннымъ въ до-петровскій періодъ. Даже тушанскій самозванецъ имѣлъ при себѣ шута. М. М.—н.

Дворецъ въ Кельцахъ.

Самое замѣчательное зданіе въ этомъ городѣ, на западной сторонѣ его — древній епископскій дворецъ, соединившійся некогда газерою съ построенными рядомъ огромной колодезью и церковью Троицы.

Корпусъ зданія квадратный съ четырьмя высокими остроколонными башнями; надъ большими воротами возвышаются двѣ пирамиды и четыре флюгера, вышиною въ 12 футовъ; онъ представ-

Рыцарь Коврадъ фонъ-Кюнсбергъ.

лени на рисунокъ. Основателемъ этого дворца былъ краковскій епископъ Яковъ Задникъ, въ 1640 году, давшій большую сумму денегъ на эту постройку.

Въ одной изъ залъ верхняго этажа помѣщались портреты краковскихъ епископовъ, начиная отъ Ламберта до Яна Альбрехта. На потолкѣ много картинъ, изображающихъ личности изъ свѣты армянъ въ Польшѣ, кисти замѣчательнаго художника. Картины эти, попортившіяся отъ времени, реставрировалъ нѣсколько лѣтъ назадъ художникъ Римскій. Сады дворца есть садъ, изъ котораго живописный видъ на расположенная у подножья горы Берардской-монастырь. Въ прошломъ году была назначена комісія, подъ предѣлительствомъ кельскаго губернатора, для осмотра этого дворца; его приказали реставрировать и назначили для помѣщенія тамъ губернскаго правленія, что и приведено въ исполненіе. Прежде тамъ помѣщались высшія присутственныя мѣста.

Домъ въ Казимиржѣ.

Представляемъ памятникъ древне-славянскій архитектуры въ городѣ Люблинско-губерніи Казимиржѣ. Трудно опредѣлить стиль этого зданія, украшеннаго множествомъ барельефовъ, представляющихъ большой интересъ для археолога. Постройка эта поражаетъ не изяществомъ, а оригинальностью и непропорциональною величиною барельефовъ ко всему зданію, но замѣчательна какъ памятникъ древности, по которому можно судить, на какой степени развитія стояла архитектура древне-славянскихъ народовъ.

Домъ въ Казимиржѣ.

БЕРТА ШТУРМЪЛЬ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ.

X.

Лебрехъ остановился, увидя, что онъ и его товарищи попали въ западню. Сержантъ сказалъ кабарду несколько словъ и тотъ разогнулся солдатъ такъ, что бретонцы не могли вернуться въ седла и бѣжать въ плбну. Сержантъ сказалъ имъ пашиваю:

— Я воню предъ вами, потому что тѣ, кого мы изух, могутъ убѣжать и самъ чертъ не поймасть ихъ въ вашихъ кулакахъ и загородкахъ. Вы отбѣгаете за виновныхъ, и если они не надуются, такъ посадятъ въ тюрьму и заставятъ заплатить за нихъ.

— Каковъ вы имѣете право арестовать насъ? спросилъ Салауцъ холодно. — За что требуется съ насъ деньги?

— За то, что ты събѣжовъ разговаривать. Молчать или не хотѣшь помолкаться къ моему наком... Алъ въ вѣдъ прибавилъ онъ, круто вѣсивъ: — надобно посмотреть, хороша ли невеста. Бывають и крестьянъ хорошихъ!

Наску въ ужасѣ поднялъ вверхъ свои длинныя руки, Модокъ готовъ былъ броситься съ кулаками на сержанта, но Салауцъ остановилъ его. Дѣйствительно, было бы безуміемъ бороться съ солдатами. Въ это время раздался трескъ барабана, колокольчикъ зазвенѣлъ и солдаты двинулись къ свободному побѣду.

Эти знаменитыя орудія вынули такой силой, что васады Штурма дрожали, женщины и дѣти не знали, куда имъ спрятаться. Только кузнецъ и несколько рѣшительныхъ мужичъ съ трудомъ скрывали негодованіе, зная, что надобно ждать новыхъ оскорбленій. Дорога служилась между двухъ загородокъ, солдаты обогнали одну изъ нихъ, тогда какъ часть ихъ осталась на мѣстѣ и свободный побѣду не могъ двинуться ни въ какую сторону.

Салауцъ Лебрехъ, Наску и Модокъ оставилъ въ аррьергардъ подъ присмотромъ солдатъ и началъ расступать своихъ друзей. Вонюсъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на все и не понималъ, отчего отсюда удались.

— Стоять спокойно и молчать! кричалъ сержантъ: — или я велю стрѣлять. Слушайте, что вамъ будутъ читать, а я въ это время посмотрю на невесту.

Онъ, оглядѣвъ дерзко толпу женщинъ, остановился на грудѣ жемчуга съ невестой, которую не трудно было узнать по ее наряду.

Чортъ возьми, какая красота, проговорилъ онъ, смотря съ завистью на Вонюсъ. — И такой лакомый кусочекъ достается этому неучу!

Загрозилъ опять барабамъ, зазвенѣлъ колокольчикъ и когда настала тишина, судья Штурма и Меделанъ провозгласилъ:

— Имѣемъ великодушнаго господина Юстина-Доминика-Рауля-Перовога, графа д'Исугаръ, барона Пуантель, Вандель, владѣтеля Штурма и Меделана и пр., и пр., приказъ: Васягъ Меделана, Имандъ Лебрехъ, не заплатавъ прибавкъ въ податки и пошлянамъ, а потому его имущество будетъ продано и если не найдется покупщика на этотъ день, то онъ будетъ проданъ и материальныя проданы съ аукциономъ. Судья явился на карнакъскую ферму, но имѣлъ ее зарентою, имѣлъ не было въ сараѣ; стало быть, онъ ихъ продалъ имъ спрятавъ, а самъ бѣжалъ; поэтому, предписано его помять, имѣть съ другими, недонаплатившими податки. Приказано также арестовать кузнецку Танкеру, обвиненнаго въ браконьерствѣ въ вѣдъхъ господина. Если надѣхъ онъ убавъ ночью лошадей, что видѣлъ одинъ изъ дѣвчонъ страшенъ. За это кузнецъ подлежитъ наказанію кнутомъ и замочкованію въ тюрьмѣ. Такъ какъ обвиненный не нашанъ дома, куда явился судья сегодня утромъ, то мы посланы отыскать ихъ.

Пославъ слушала внимательно это чтеніе, скрывая свои гнѣвъ. Подобные случаи были не рѣдки въ то время. Роскошнъ Лудовика XIV доходилъ до безумія, и его придворные образы и мужичи своихъ васадовъ, чтобъ блеснуть великолѣпиемъ. Даго несчастныя переносили все и отдавали вослѣдній кусокъ хлѣба, но терпѣны ихъ приходило къ коню и деревне арриергане, но правителю своихъ вѣдъхъ, готовъ была къ несправдливости. Одна искра могла возбудить пожаръ. Этотъ арестъ посреди свободнаго побѣду усмирилъ негодованіе бретонцевъ, хотя уже были примѣры,

что сборщики хватали несостоятельныхъ должниковъ во время праздниковъ и отнимали у нихъ вдоволь и лошадей. Но дерзость сержанта Ламонта довела раздраженіе до крайности. Подуга судья читалъ бумагу, герой казармъ пробрался къ Тинъ и, шокручивая уши, снова смотрѣлъ на дѣвчунку. За откровеніе азъ него и прижался къ Помпоно, который побѣждалъ отъ тѣла и хотѣлъ двинуть лошадь впередъ, но сержантъ схватилъ узду и заставилъ лошадь стоять. Помпоно подвинулъ руки, но Тина обидѣлась съ крикомъ ужаса, а Танкеру сдѣлалъ знакъ ждаты и молодой Лебрехъ впередъ, но сержантъ, замявъ ротъ въ толкѣ, вскричалъ, махая палкою: — Смирно, дураки, у меня руки заржавы!

Всепомо о ложахъ и дѣвчѣхъ, мужичны замочили, а сержантъ сдѣлалъ еще смѣль и, схвативъ Тину за руку, сказалъ:

— Кто же ты откровеніе, красавица... не смотри на меня: странное только для молодосотки, какъ твой женихъ! Подугау менъ сейчасъ, или я велю его повѣстятъ!

И онъ дернулъ дѣвчунку за руку и схватилъ ее за талию. У Помпоно не было орудія, но онъ быстро вынулъ ногу изъ стремени и такъ сильно толкнулъ сержанта въ грудь, что тотъ пошатнулся. Танкеру повалилъ его подъ себя, а Наску-Длинный, успѣвъ пробраться въ середину, отнялъ шкуру сержанта и передалъ ее Салауцу Лебреху, сказавъ:

— Будьи, другъ, эту длинную свичку, я не умью его дѣйствовать!

— Солдаты! кто мнѣ! кричалъ сержантъ: — спавите!

Однако поселе, въ свою очередь, стѣбали солдаты, которые не могли дѣйствовать штыками. Кузнецъ вскричалъ:

— Надобно обезоружить крайне казены!

Однако, другая часть солдатъ, замявъ свалку, начала растаскивать прикладами женщинъ и дѣтей. Поднялся крикъ и визгъ. Вдругъ показався на дорогѣ широкій заекъ верхомъ и, размахивая кнутомъ, вскричалъ:

— Дѣвчунка, приближайся къ графинѣ Штурма, сестрѣ нашего господина.

Дѣйствительно, приближалась Берта, приближаясь въ замкъ Меделана. Она была на красивой блѣдой лошади, въ богатомъ замаскомъ костюмѣ и сопровождала старыя конюшій. Прекрасная черта Берты выразила страданіе. Она недавно поправалась отъ тяжелой болѣзни, поухава и побѣждала, но черты ее сохранили прелесть и гордость. Увидя толпу, заекъ возвратился къ своей госпожѣ и свалчалъ, что надобно повернуть къ другой сторонѣ, но молодой дѣвчуха услаивалъ шутку и крики и послала конюшюго узнать, что случилось. Старикъ вернулся съ отвѣтомъ, что солдаты остановили свободнаго побѣду, чтобъ захватить нѣсколько казеныкъ за недомоки, а отца невесты вѣять за браконьерство. Берта ударила хмистую лошадь и поспекала впередъ. Танкеру и его товарищи начали уже отпихивать орудіе у солдатъ, но тѣ сопротивлялись, ранивъ нѣсколькихъ бретонцевъ и освободивъ сержанта, который каялся всѣмъ дномъ, что повѣстятъ дѣвчуху, осмѣлившись поднять на него руку. Видя, что солдатъ беруть верху, Танкеру послухалъ соинтовъ друзей, передалъ черезъ перегородку и побѣжалъ черезъ поле. Судья и чиновникъ не выжидали въ драку и стояли въ сторонѣ. Берта увидѣла ихъ предъ всѣхъ и вскричала:

— Приказываю вамъ именемъ графа, графа Штурма, оставить въ покоѣ этихъ людей и браконьера.

— Вамъ приказанія будутъ исполнены, отвѣдалъ чиновникъ, кланяясь низко. — Только я обязанъ собрать казенныя недомоки.

— Сколько вамъ надобно? спросила гордо дѣвчуха.

— Около двухъ сотъ франковъ.

Дѣвчуха подала конюшюму кошелекъ, сказавъ: — Бонусомъ, заплати.

Чинивикъ побѣжалъ предупредить солдатъ, что недомоки значатся, а судья, желая подѣлаться къ великодушнѣйшей сестрѣ владѣдѣца, проговорилъ:

— Надобно признаться, сударыня, но не васады затѣли эту суматоху, а солдаты королевскаго пола. Сержантъ вздумалъ показывать невесту и свободнаго побѣду.

— Позовите ко мнѣ сержанта... я хочу съ нимъ поговорить.

Судья бросился исполнять желаніе Берты, а женщины и дѣти окружили свою заступнику и со словами благодарности ее за спасеніе. Маленькая дѣвчуха, игравшая роль шестювка въ брачной церемоніи, подошла ближе всѣхъ къ лошади и Берта сказала:

— Дайте мнѣ этого ребенка, я подучаю его.

Мать дѣвчухи подала ее къ госпожѣ, которая обласкала ее, какъ своею дочку и, подучивъ ее нѣсколько разъ, отдала матери.

— Богъ благословитъ вашу добрую госпожу, говорили бретонцы. — Это ангель!

Сержантъ Ламонта подошелъ бѣднѣй отъ злости, смѣявъ въ борбѣ съ кузнецомъ. Онъ началъ говорить довольно дерзко:

— Я подучалъ приказанія отъ моего полковника и больше никого не знаю. Эти разбойники осмѣлились волновать на меня руки и обезоружить меня. Гнѣва чортен! И схватилъ главныхъ и съелъ ихъ въ волосы, гдѣ они будутъ пошляны. Вы тоже побѣждаете на это зрѣлище, графиня.

Дѣйствительно, въ рукахъ солдатъ были Салауцъ Лебрехъ, Модокъ и Помпоно.

Дерзкій тонъ сержанта раздражалъ Берту. Газа ее заблестала и она посмотрѣла такъ гордо на солдата, что тотъ невольно опустилъ глаза.

— Сержантъ, сказала она откровенно: — вашъ полковникъ, маркизъ Шатонъ, гоститъ у моего брата. Я знаю, что маркизъ строгъ и не позволю своимъ солдатамъ оскорблять беззащитнаго жемчуга, какъ вы это сдѣлали.

— Я хотѣлъ попутать съ этимъ дуракомъ, возражалъ сержантъ гордою улыбкой.

— Нешарава, вы оскорбили невесту и напугали всю свадбу. Я расказку все полковнику и пошурю его указавъ вамъ примѣромъ.

— Будьте снисходительны, графиня, заговорилъ сержантъ уже совсѣмъ другимъ тономъ: — не погубите бѣднаго солдата... меня обезоружили... бля...

— Вы наказаны за вашу дерзость. Отпустите сейчасъ этихъ людей и я велю прощю.

Отпустилъ онъ ихъ, но не шарава.

— Я не шарава съ вами разговаривать. Если вы не отпустите ихъ тотчасъ же, вы будете сами наказаны. Я не повторю моихъ словъ.

Сержантъ дрожалъ отъ бѣшенства. Полковникъ являлся бы совершенно справедливымъ поступкомъ сержантъ, еслибы въ это не вѣхалась графиня. Маркизъ былъ большой вояцой и, по просьбѣ хорошеюй женщины, повѣстятъ бы всѣхъ своихъ сержантовъ. Ламонта видѣлъ, что ему неслало бороться съ Бертой и сѣрды свои чувства, возмущенныя вѣжливю и смѣломъ.

— Я понимаю вашихъ приказанія. Штвенны будутъ свободны... надѣюсь, что полковникъ ничего не узнаетъ.

— Если я услышу про васъ еще что-нибудь дурное, то буду къ вамъ безжалостен! Помните это.

Сержантъ снова поклонился, проворчалъ:

— Не всегда же эта заступница будетъ тутъ... я раздѣлаюсь потомъ съ этими проклятыми бретонцами.

Онъ приказавъ солдатамъ освободить вѣжливую и Помпоно, услаивалъ шутку, сопровождавша Берту Штурма.

Она странно побѣждала, не смѣяла, какъ солдаты размахивали руки и смотрѣлъ только на прекрасную amazonку. Тина подожла къ нему и сказала со словами:

— Слава Богу, все кончилось благополучно... Когда тебѣ схватили, у меня сдѣлалась такая боль въ сердцѣ, я думала, что это смерть. Бабушка подержала меня... Теперь я опять бабка.

— Помноно, сказалъ Салауцъ, повѣду лошадей, но вы не смѣете и побѣду въ пошляну.

Онъ молодой человекъ не понималъ, что вопреку него происходитъ. Черты его выразили страшное отчаяніе, глаза блеснули. Онъ посмотрѣлъ на отца, на невесту, схватилъ себя за голову и вскричалъ:

— Нѣтъ, это выше силъ моихъ... прощайте... Я прощайте... вы меня никогда больше не увидите...

И безумецъ вскачалъ на лошадь, ударилъ ее плетомъ и, повернувъ круто, поспекала въ галопъ подъ гору, пересѣкая черезъ заборъ и какъ струя подлетѣвъ прямо къ замаскомъ ялсу. Все это сдѣлалось такъ быстро, что никто не могъ нѣсколько повѣстятъ ему, но понаты, что

судилось, и тогда Салавич опоминлся, слыя его уже неслыш в яблук и захватъ даже шумъ отъ копыт его лошади.

Предупреждевые повести не обмолужо се.

Вильгельмъ *).

Югъвъ Юанъвъ Вильгельмъ, знаменитый антиваръ, родился 9-го декабря 1717 г. въ Стокгольмѣ (въ Альваръ). Онъ былъ самымъ обидно-благочестивымъ и подалъ съ чуждой помощью могъ посылать школу. Учился его въ древней литературѣ была такъ замѣчательна, что ректоръ академіи вѣдалъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ лекторомъ и смотрителемъ библиотекъ, въ которой были все классики. Въ 1735 году прибылъ онъ въ Берлинъ и поступилъ въ гимназію, а въ 1738 г. въ ганзейскій университетъ. Тамъ онъ изучалъ теологію, но самъ объявляя потомъ, что наука эта связываетъ у него въ яблукъ. За то чести Герольдъ и Демонъ проводилъ его въ восторгъ.

Въ 1741 году перешолъ онъ въ Геттингенскій университетъ и занялся математикою и медициною; но въ 1742 г. поступилъ домашнимъ учителемъ въ Зегузену. Тамъ былъ, то-есть до 30-ти-лѣтняго возраста, пробывъ онъ въ этой тяжелой и прозаической должности. Только въ 1748 г. судьба его несколько улучшилась и онъ поступилъ въ секретари къ саксонскому министру графу Биснау, впрочемъ, съ весьма небольшими жалованьями. За то онъ могъ видѣть въ Дрезденѣ все собранныя тамъ сокровища искусства, науки, техники и техническое чашею его. Съ этой минуты возжелалъ въ немъ непреодолимое желаніе побывать въ Римѣ. Насильственно въ Дрезденѣ, Аринго, продолжалъ ему яблукъ библиотекари въ этой столицѣ, но главнымъ условіемъ къ этому определению былъ переходъ Вильгельма изъ протестантскаго вѣрованія въ католическое. Это не оставило его: въ 1754 г. онъ формально перешолъ въ католицизмъ, и конечно, но по убежденію, а не изъ досады своей чѣмъ, тогда, для удовлетворенія своихъ желаній въ Римъ, онъ долженъ былъ отказаться въ этомъ въ своемъ письмѣ. Въ томъ что онъ пишетъ самъ о себѣ въ 1753 году: «И прощай молодость въ изученіи теологіи и живописи, и не сдѣлалъ ни попомъ, ни живописцемъ. Во мнѣ преобладаетъ жажда къ древней литературѣ и искусствамъ. Чтобы удовлетворить ее, я рѣшился на комедію перехода къ католицизму, и могу въ этомъ извиниться собственными правами извѣстному. Если я долженъ имѣть какую-нибудь религію, то хочу имѣть свою. Извѣстны дѣлаютъ меня читать по семъ разъ въ день „Атея“ и по столбу же „Pater noster“, но въ это именованіе и посылать во мнѣ отвращеніе къ этимъ учителямъ».

Свершивъ свой религіозный переходъ, Вильгельмъ долженъ былъ оставить службу при графѣ Биснау и занялся литературою. Первымъ произведеніемъ его были: «Мысли о подражаніи грѣхамъ въ живописи и скульптурѣ и оно было съ большими успѣхами принято знатоками искусства. Получивъ за это писаніе въ 200 талеровъ въ годъ, онъ отправился въ Римъ, гдѣ и подалъ порученіемъ въ кардиналу Альберини, Пасквини и Аринго. Весною 1758 г. съѣхалъ онъ въ Неоль и осматривалъ Портичи, Геркуланумъ, Помпеи, и съ обильною жатвою наблюденій возвратился въ Римъ. Въ томъ же году отправился онъ во Флоренцію по приглашенію барона Музелъ-Штоса, обладавшаго одною изъ богатѣйшихъ коллекцій древностей. Для описанія ихъ и систематическаго распредѣленія, Двѣнадцатилѣтній Вильгельмъ издалъ описаніе этой коллекціи въ 1760 г. (Description des pierres gravées du baron Stoch), посвященное генералу Альбини. За это тождъ вѣдалъ его къ себѣ въ библиотекари. Въ 1760 году издалъ онъ: «Замѣчанія объ архитектурѣ древнихъ», а черезъ два года потомъ издалъ съ графомъ Брюлемъ въ Неолю, и по возвращеніи оттуда издалъ: «Monumenti antichi inediti».

Въ 1763 г. назначенъ онъ былъ смотрителемъ всѣхъ древнихъ памятниковъ въ Римѣ и окрестностей его, и въ этомъ званіи занимался: «Объ открытіяхъ въ Геркуланумѣ», «Исторія дѣлорія въ Портичи», «Трактатъ о числѣ измѣненій». Въ это же время окончилъ онъ свое главное сочиненіе: «Исторія искусства въ древности», переведенное потомъ на французскій и итальянскій языки. Въ 1764 г. совершилъ онъ новое путешествіе въ Неолю, о которомъ издалъ брошюру «Новѣйшія открытія въ Геркуланумѣ».

Давно уже собрался онъ еще разъ посетить Германію, но только въ 1768 г. предпринялъ онъ эту роковую поѣздку. 10-го апрѣля отправился онъ черезъ Венецію, Верону и Тироль; но достигнувъ до Аугсбурга, почувствовалъ припадки какой-то неопредѣленной слабости, и рѣшился возвратиться въ Италію. Прибывъ въ Миланъ 12-го апрѣля, онъ былъ такъ истощенъ съ большимъ поточетомъ и представлялъ въ Шенбруннѣ вѣнцратръ Марин-Терезин, которая, взглянувъ его дороги поларками, старалась убѣдить остаться у ней на службѣ, но онъ отказался. Какою-то неопредѣленнымъ чувствомъ вѣдалъ его въ Италію, и 1-го іюня прибылъ онъ въ Триестъ, гдѣ оставался въ трактирѣ, на площадкѣ св. Петра. Въ первый же день почувствовалъ онъ забѣсъ до обидныхъ силъ. Французскій врачъ, прибывъ въ Триестъ, и обомыи сдѣлалъ вѣдало въ тридцать. Этотъ забѣсъ и представлялъ въ добровольно Вильгельма и предлагалъ быть его спутникомъ до Венеціи. Вильгельмъ долженъ былъ пробывать несколько дней въ Триестѣ и негодилъ уселить своею домовностію и услужливостію оборотился его.

8-го іюня, въ полдень, замолъ Ариндженъ изъ комнату Вильгельма, говоря, что онъ и его названый оставалъ пакотомъ, который и сталъ забѣсъ. Онъ еще сидѣлъ въ своемъ трактирѣ, но Вильгельмъ хотѣлъ заниматься, и отвѣчалъ, что удовлетворить его любознательство въ другой разъ, а самъ съязъ за письменную свою столъ и прекратилъ разговоръ. Пользуясь минутою, когда Вильгельмъ повернулся къ нему спиною, Ариндженъ набросилъ на него рыболовную сеть и сталъ заводить его веревочкою петлею, привязанною въ стѣнѣ. Когда же Вильгельмъ сталъ съ отвращеніемъ замѣчать, что, не дожидаясь къ нему въ яблукъ, онъ былъ съязъ съ веревочкою ударовъ въ грудь. На шумъ собралось несколько слугъ трактира, но убѣдивъ промолвъ между ними, угрожалъ имъ кавказскою. Бросился за докторомъ; самъ Вильгельмъ, съ веревкою на шеѣ и вхола кровью отъ ранъ, былъ еще довольно силенъ, чтобы сойти съ элѣватора во второй этажъ; но промолвъ чѣмъ чаше покуда началъ докторъ, и Вильгельмъ умеръ въ 4 часа полуночи, въ состоянии сильнаго страданія. Черезъ сорокъ дней онъ отказалъ все свое имущество кардиналу Альбини и просилъ, чтобы убита его была прощомъ. Ариндженъ былъ поиманъ въ восьми миляхъ отъ Триеста, и 20-го часа колесованъ его на той же площади, гдѣ онъ совершилъ убійство.

Вильгельмъ можетъ считаться первымъ изъ ученыхъ, ознакомившихъ Европу съ древнимъ міромъ художества. Въ частной жизни обнаруживалъ онъ всю твердость характера въ достиженіи чѣмъ, но вѣдѣлъ съ тѣмъ, угодованіемъ и снисходительностію къ окружающимъ злоупотребленіямъ. Гѣте, описывая его, находилъ въ немъ много элементовъ древняго водокопачества, а въ чувствѣ любви приписывалъ ему больше схоженности къ друзьямъ, нежели къ женщинамъ. Сочиненія его имѣли вѣдѣющее вліяніе на все сословіе художниковъ, и это была важнѣйшая его заслуга.

Незамержавное полярное море.

Недавно американецъ Гайель совершилъ полярную экспедицію, которую можно назвать только ирригаторскою. Шкунка съ 14-ю матросами и съ большими запасами, подъ названіемъ: United States* приплыла за предѣлы вѣчнаго льда, до которыхъ никто еще не доходилъ. Сперва боролась она долго съ гренландскими туманами и плавающими ледяными горами. Чтобы избѣжать всѣхъ опасностей, угрожающихъ этой шкункѣ на каждомъ шагѣ, надобно было употребить очень много искусства, и не имѣвъ силъ бороться съ этими туманами, въ Баффиновой-губѣ достигла окрестности первой невогза. Она вдругъ окружена была сплошными льдами. Одно изъ явленій, подхвативъ шкунку за нѣтъ, всемъ часамъ держала ее на воздѣхѣ, но потомъ случайно опустила ее, разбивъ только второстепенныя части судна.

Наполенъ, должны были искать убѣжища въ одной бухтѣ, и рѣшились зимовать. Это

оставляло одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ. Отправился всегда съ осени, промолвъ дождямъ на половинъ зимовать, и хотя заранѣе принималъ всѣ мѣры къ перенесенію этой зимовки, но сплэхомъ пологучина неопредѣленности убывалъ многихъ. На шкунѣ устроили крышу, подъ которою было общее жилище. Большая часть запасовъ перенесена была на твердую землю. Сверху тождъ было до тридцати дѣвухъ земляныхъ собакъ. Оно содержалось особо,—но по дикости и проворству, были очень опасны. На зимней столѣ производилась чаше поѣздка, дѣлая въ 28 минутъ по 10-ти вострѣ. Эти собаки всегда заранѣе на расстоеніи 200 футовъ отъ снѣга и управляютъ имъ надобно искусно и мужественно. Однакожъ одинъ матросъ спотулся и упалъ; животныя тотчасъ же бросились на него и колесомъ растерзали бы, еслибы онъ ихъ не разогналъ палкою.

Сто двадцать дней продолжалась зимняя столѣ въ прѣстѣ въ 100 градусахъ Френгейта. Снѣгъ, вѣтры, туманъ и вѣтровое сіяніе дѣлали почти невозможнымъ, и когда въ первый разъ возшло олять солнце, все эскспедиція была въ восторгѣ.

Началось новое работъ. Гайель двинулся по Смитъ-Бунду до Гринеландъ, желая съ этой стороны проникнуть въ таинственное полярное море; но забѣсъ нашамъ онъ только печальные остатки эскспедиціи Франклина и надгробный памятникъ двухъ матросовъ эскспедиціи Кена. Надобно было прибавиться впередъ, чтобы достигнуть предположенной чѣмъ. Сдѣлавъ еще до 500 английскихъ миль, достигли наконецъ открытаго моря.

Оно лежитъ подъ 83° северной широты, въ 450 английскихъ миляхъ отъ полюса. Все пространство моря, доступное глазу, было открыто и терзалъ въ отдаленности. Таинственное полярное море было открыто.

Но на полураскрытомъ судѣ Гайель, но смѣлъ вѣснать въ таинственное безбрежность. Только отъ имени науки привинилъ онъ въ западніе берега этого полярнаго моря. Оно отворило вѣдѣніи при сѣверной эскспедиціи, которая свирѣжались теперь, чтобы проникнуть въ этотъ океанъ. Можетъ быть, тамъ найдутся новыя породы животныхъ и вѣдѣмыхъ расъ.

ЮЖНО-РУССКАЯ ПСИИ.

Ахъ, ты радость-счастье! ты куда же спрыскаешь? Или въ быстрій рѣкѣ счастье уплываешь?

Иль въ вострѣ чудномъ посреднѣ поля Уголькомъ сторкала долъ, моя долъ?

Выпала же, счастье, выпала изъ рѣчки! И тебѣ соркою на вымѣмъ сердечѣ.

Если жъ ты соркою, такъ и мѣтъ, невѣсть! За одно съ тобою, догорѣть бы вѣстѣ!

Отказала снѣги, и мѣтъ иль дому Отдала родная раба молодому.

Молодъ-то онъ молодъ, да другуго любить, И своей губалкою живаню мою губить!

Магума сказала: «ты послушай, дочка, Не жалѣй мнѣ ровню пѣльхъ три годичка!»

Годъ протекосиваня, я не утерѣла, Сдѣлалась кружиной, да и подала,

У родной хаты сѣла на кауны И загубовала проку яроуны.

Стало жаль кауны, что я такъ грустела, И она на землю слезы опускала.

А родная мать встала у порога, Отдала дочку и сказала строго:

«— Если ты мѣтъ чаша, такъ пожайзуй къ хату; Покажу я гостю дорогу стая!»

Онъ мѣтъ попракнѣлъ, чаша, пѣльху... Я ильу бѣтъ жужа — тѣю мое яроу!

Если жъ ты вѣкушаня, такъ тебѣ обратю, Жалобная ильа скупать неспиритю!

И лепо сорпхула, съ матушкой не споря, Поѣлѣла къ мѣту усерѣть отъ тора.

Василу, мужу-живнѣнцу вышедъ на охоту, Распѣвалъ пѣни, ходитъ по болоту.

Въ дерезо онъ вѣтнѣ, въ самую верхушку, И не поспиритѣ събѣгу кружку.

А. Треповскій.

* Представляемъ эту біографію, съ портретомъ, списавъ ее изъ оригинала въ Москвѣ, учинивъ въ довереніе въ стѣхъ о немъ, пожеланію въ промолвъ мушѣ.

Колея шведского короля Густава-Адольфа.

Замечательное историческое собрание оружия в музее восточного арсенала приобрело теперь новую цену, вследствие нового устройства музея. Квириг-Лейтнер, изобретатель, известный в области военных наук, предпринял недавно издать все собрание этого музея. Вышел уже первый номер, и мы рекомендуем его всем любителям искусства. В этом издании, выходящем под руководством исторического живописца Иоганна Шенберга и литографа Карла Мангольда, находится, между прочим, ясный снимок с колеи, в котором Густав-Адольф был убит под Люденом.

Многие музеи завладевают этим колом, но подлинность всякого не подлежит сомнению, потому что подтверждена изследованиями Лебера в «Обзоре германских древностей». Густав-Адольф пал 16-го ноября 1632 года, и колея его, еще теплая в крови, отправлена была в Вильну императору. Это сказано в «Annales Ferdinandei» Кевенгольда.

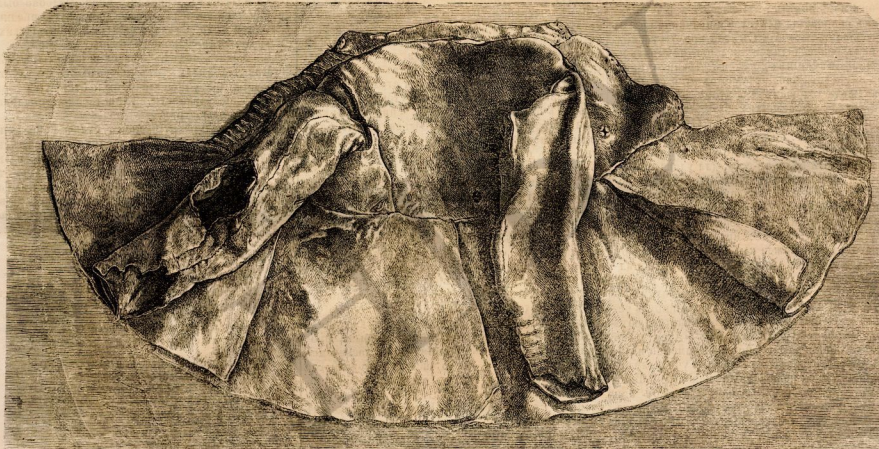
Колея этого изъезжена оловянной кожей и на внутренней стороне подбита холстом, а на наружной стороне подбита холстом, а на наружной стороне подбита холстом. Хотя большая часть подкладки и пуговицы сдвинулись

Обзор деятельности петербургских театров в 1867—1868 годах.

(Окончание).
IV
БАЛЕТ.

Хореографическим талантам нашим, конечно, покажутся странными наши суждения об их искусстве, которыми восхищаются столько тысяч юношей и стариков. К сожалению, мы никогда не могли пригласить себя находить удовольствие в прыжках и соизерании их. Конечно, на сцене танцы являются в самом приятнейшем виде: всё убаюкает, плывут, скучают в своем изобилии, составленном по условиям новейшей эвклидистика, стараясь достать зрителям полное наслаждение. Но страстных поклонников хореографического искусства мы бы спросили только: довольны ли они были, если бы, вместо женщин, занимались этим искусством мужчины и производили бы прыжки, балансировали и поднимали ноги? Мы думаем, что никто бы и смотреть не хотел на подобное зрелище. В Риме не так давно, по приказанию императора танцоров с сценных мест козляв и везло им выбирать зеленое тряко. Казалось бы, что оставшая женский элемент на своем месте, ничто не измени-

старость еще более усердным ханжой. Съ его времени явились Вестрисы, и дошла до того, что теперь во всем почти стоилих почитать необходимым доставлять публике странное удовольствие прыжков, скачков, перегибаний и убаюков. Прежде во всем этих эволюций главную роль играли мужчины. Теперь на них едва смотрят. Грустно видеть, как люди добывают до искусства неестественных перегибаний своего тела. Не прискорбно ли видеть человека, достояние себя хвастать подобным ремеслом? Сами танцы принадлежат, конечно, глубочайшей древности: но тогда они были или выражением удовольствия скачки и прыжки, или у диких народов, или религиозных обрядов. Людям же, люди подражают, и пускаются в пляс. Если в подобные минуты немного страдает скромность, стыдливость, то тем меньше в таких танцах нет и следа эстетического чувства. Перенесли это удовольствие в образованное общество, но и тут едва ли чтонибудь общество выиграло. Мы, как на прыжках, серьезно выдумываем условно забавные па, и на них смотрят всё, как на серьезное занятие, не заботясь ни о пользе, ни о вреде танцев. Все это составляет род общественного договора, который никак не одобрит строгая философия. После этого, конечно, нечего и го-

Колея шведского короля Густава-Адольфа.

жертвою истребления древностей, но и теперь колея вбить 6 фунтов 25 лотов. Любопытно в колею знаки ран король-героя. По всем шведским и немецким свиданиям, первую рану король получил в левый локоть, где пуля раздробила плечу. На этом месте вырван кусок оловянной кожи, и следы крови видны под шарфом.

На той же вышивке видно на левом рукаве еще отверстие, производившее как бы ударом ножа. Это не что иное, как ранка, сделанная каким-нибудь собирателем древностей, которому повинна чинить. Каспар, аптекар в Вестенфельде, занимавшийся балансировкой тела, доносит, сверх того, что король был ранен копей. Действительно, на левый груди видна дыра в панцире от оружия, которое в 30-тидневной битве употребила венгерская конница.

Вторая пуля, шившая тоже смертельную дырку, порвала король в спину, около того места, где легла. Эта пуля сдвинула дыру в 18—15 миллиметров. Это доказывает, что выстрел был из мушкета и на близком расстоянии, потому что края дыры обожжены.

лось, но и тут впечатлительно было так неблагоприятно, что большая часть публики перестала вовсе ходить в балеты. Католический церковь, принося большие дары от поклонников балетов, повернула дню по старому. У нас и во всей Европе хореографическое искусство отличается короткостью юбок и невозможным поднимать ноги. Могут быть это и красиво, но удовлетворять ли это эстетическому чувству и ощущать ли человек такое же удовольствие, как при чтении хороших стихов, или при искусном музыкальном исполнении? О таких несчастных труженицах хореографического искусства мы уже не говорим. На сцене оны, конечно, все и всему убаюкуют, но, исполняя свое на и высочайше за кулисы, оны хватаются за перекачку и готовы ухватить от утомления. А тут еще еще выдумают: или оны съ эвклидизмом надобно высочить, расквашивая, подчас час прижимать к сердцу подносимые цветы и подарки. Горе танцорк если партия наивыгоднее вздумает заставить повторить на! Право, стоить серьезно подумать о чувствах, возбуждаемых в нас танцами. Театр существовал уже 2000 лет назад, но вышвыбав балет выдуман при Луидвиге XIV, который в молодости был очень усердным танцором, а под

ворить о балетных танцах. Провинциальные города во всей Европе лишены их, а здравый рассудок мусульман заставляет их думать, что европейцы лучше бы заставляли плясать своих слуг, а не унижали сами до вертепных и нечеловеческих движений. Одни столицы пользуются балетами. Личное наше мнение не воходить в балет, если они находят удовольствие в скачках.

Долгустив однажды, что спорить съ эвклидизмом и что обывач-деспот между людей, мы должны сказать, что нигде балет не находится в таком блистательном положении, как у нас, так что нам завидует все Европа. Наши Муравьева, Грацова, Петина обожрили даже Париж. Безразлично къ нам являются привези знаменитости хореографов, украшают балет возможными постановками. Публика, крокъ входить, выдерживает, оспаривает всех цветами, букетами, подарками. Не жалея, а мстящая! Вся скромности искусства сглаживаются под лоском моды. Молодые и старики радуются при виде прекрасных ручек, ножек, бюстов и талий, мелькающих сквозь прозрачные ткани. Все роскошно и увлекательно, чего же лучше?

Балетный бенефисъ было въ мнѣшномъ году 14. Годичный репертуаръ состоялъ изъ 13-ти балетовъ, не считая разныхъ обрывковъ. Промышленная новость: «Конекъ Горбунюка», данный 12 разъ, уступилъ пальму первенства «Золотой рыбки», которая дана была до 30-ти разъ. Это небывающая цѣна въ прѣжние сезоны. «Дочь Фарона», «Теодина», «Фламетта», «Мелора» и «Корсаръ» чаще всего являлись на сценѣ. «Эмеральда», «Меланъ художника» и «Тщетная предосторожность» были даны уже. О балетахъ и балеринахъ прошлаго сезона мы говорили не разъ; о нашихъ главныхъ корифеяхъ и кордебалетѣ вѣсело и говоримъ: онъ выше всего въ Европѣ, такъ что съ недоумѣніемъ можно подумать: если русская труппа такъ падаетъ, то не превратится ли въ наши таланты въ хорегрефическіе? Не обнаружится ли въ Россіи особенное стремленіе къ танцамъ? Не способны ли сдѣлаться мы въ хорегрефическихъ занятіяхъ, чѣмъ къ мистическимъ? Есть что-то похожее на это, когда видишь, какъ покровительствуютъ любителямъ хорегрефическіе таланты, а пренебрегаютъ драматическіе.

У французовъ первый актеръ охотно сыграетъ второстепенную роль, лишь бы ходъ пьесы выигралъ отъ этого. Совокупныя усилія дѣлать у нихъ всѣхъ первыми, тогда какъ при раздѣльныхъ силахъ въ русской труппѣ—то танецъ въ облака, кто въ воду.

Изъ замѣчательныхъ пьесъ прошлаго сезона, разобранныхъ въ нашихъ фельетонахъ, мы назовемъ: «Manon Lescaot»; «Les idées de M-me Aubrey»; «La dame aux Camellias»; «Le père prodigue»; «L'ami des femmes»; «Les petites lochettes»; «Maitre Guerin»; «Fabienne»; «Le marquis de Vilmer» (старая); «Clarise Harlow»; «Antony».

Чаще всего давали: «Les idées de M-me Aubrey»; «La dame aux Camellias» (14 и 15 разъ), и сколько мы ни прислушивались къ мѣшаннымъ пѣніямъ, она была доволна и тою и другою пѣсней, но, вѣстай, здѣша съмотри ихъ.

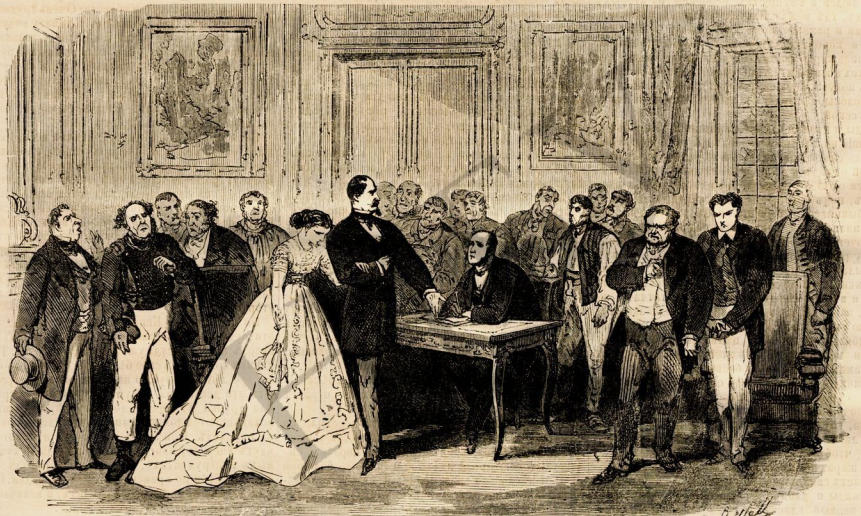
Было и нѣсколько дебютовъ: г. Жювена, г-жи Морискуръ, г. Фессе, г-жи Вуангонъ и г-жи Коллеръ, но всѣ они незамѣтательны. Бенефисъ былъ 14. Составъ труппы отличный и только уступаетъ парижскому «Théâtre français». Г. Вормсъ, Пешена, Дюпюа, Дьдоннѣ, Верне,—Наталь-Арно, Деверя, Загранжъ составляютъ

рѣ этихъ народовъ. Французы создали классическую и сценическую поэзію; имѣли отвергла похвалу и признаніе, но вѣли худымъ декламацио. Если многіе нѣмецкіе актеры и актрисы естественны, въ этомъ виноваты отчасти драматурги ихъ. Фразеологія ихъ, по большей части, дѣвственная и наипущена.

Самое лучшее время нѣмецкой драматургіи было при Шиллерѣ. Школа, послѣдовавшая за нимъ (Грипартеръ, Раупахъ, Миллеръ), впадала въ мистическія фантазіи; въ послѣднее время завладела се переводомъ и подражаніемъ съ французскаго. Если отъ этого произошло сближеніе народовъ, то нѣмецкая литература вовсе не выиграла.

Въ прошлаго году наша труппа дала: «Федуста», «Ромео и Юлію», «Гривелду», «Käthechen von Heuborn», «Сина пустыни», «Эмилію Галотти», «Урриса Апостолъ», «Коварство и любовь» и «Разбойничокъ»; переводимыхъ пьесъ дано 36, и чаще всего: «Прекрасную Елсн» и «Галатею» (по 15-ти разъ).

Изъ пріѣзжихъ гостей былъ у насъ: г-жа Зеебахъ, г. Тидекъ, г. Флицъ, гг. и г-жа Шербартъ. Изъ нихъ г. Флицъ артистъ первостепенный.

«Наши добрые провинціалы», послѣдняя сцена 4-го дѣйствія.

V.
французская труппа.

Что бы ни говорили патриоты, а французская труппа составляетъ издавна лучшее эстетическое наслажденіе нашей публики. Кромя того, что въ этой труппѣ много прекрасныхъ пародій, сама совокупность спленическаго хора пьесъ такова, что невольно увлекаетъ публику, заставляя забывать се обь отдѣльныхъ слабыхъ личностяхъ. Наталь-Арно, Дюпюа, Вормсъ, Вольсьи, Лагранжъ, даже при слабости пѣсь, увлекаютъ эту совокупность до такой степени, что мы даже охотно вѣримъ въсь «Идеямъ г-жи Обре», несмотря на ихъ неестественность, для протомъ наступившаго «Антони» и «Камеліи Готтэ» за ихъ сумасбродную живизнь. Французская труппа играть такъ просто, естественно, что мы легко допускаемъ возможность часто неестественныхъ сценъ, тогда какъ въ русскихъ пѣсахъ какъ-то не вѣрится даже тому, что весьма естественно. Все это происходитъ не отъ однихъ мистифицирующъ артистовъ, но и отъ режиссера и дѣлотовъ, и вѣсего этого не достаетъ у русскихъ. Въ танцъ труппѣ, всѣ хотѣли выставить только себя, а обь обменъ ходъ пьесы нитя не ду-

цкую плекду талантовъ. Боле всего доставляетъ удовольствіе нашей публикѣ все та же «La belle Héloïse», игранная боле сорока разъ—цѣра до которой не достигала никогда ни одна французская пьеса. Театръ всегда поощря, хоти, конечно, зрителямъ нѣмало знать пьесъ. Литературная заставка не пустила къ намъ «Героинию Герольдштейнскую» и «Синюю бороду» того же Фененбахъ. Это очень жаль, потому что въ этихъ операхъ еще больше ума и вѣсестости.

Однимъ изъ послѣднихъ спектаклей было трогательное прощаніе съ заслуженною г-жою Вольсьи, игранною у насъ двадцать лѣтъ. Она покинула сцену, которой была укрѣпленіемъ до послѣдней минуты. Много прекрасныхъ воспоминаній оставила она.

VI.
нѣмецкая труппа.

Извѣстно, что нѣмецкая драматургія составляетъ отдѣльное явленіе въ области искусства. Нѣмецкая опера для насъ не совсѣмъ логична, потому что глаголь становится въ концѣ. Нѣмецкіе драматурги остались вѣрны древнимъ формамъ языка. Раздѣченность литературъ французской и нѣмецкой высказалась въ характе-

Общій составъ труппы очень хорошъ, но лучшая у насъ актриса г-жа Раабъ и всѣхъ репертуаръ основаны на ней. Давъ тридцать разъ двѣ французскія оперы «Елсн» и «Галатею», нѣмало остается дней для серьезныхъ пьесъ. Впрочемъ, надобно сознаться, что труппа наша довольно слабо разыгрываетъ трагедіи и драмы. Главная актриса г-жа Фрозъ далеко отстала отъ германскихъ знаменитостей, которыхъ въ молодости сюда не пускаютъ, а подъ старость мы только уважаемъ ихъ. Такова, напримеръ, была г-жа Зеебахъ, которая, можетъ быть, и много стигала славы въ Германіи, но у насъ очень мало дѣлаетъ.

Вообще, надобно сожалѣть, что число петербургскихъ труппъ такъ недостаточно, что нѣмецкая труппа принуждена переключивать съ михайловскаго на александринскій. При развитіи общественной жизни нашей столицы, намъ, по крайней мѣрѣ, нужно еще два театра, и, притомъ, танцъ, которе, подобно новѣйшимъ парижскимъ, имѣли бы въ себѣ всѣ улучшения, допускаемыя сценою. А такъ и сказать въ остальной Европѣ, что у насъ нѣмало сдѣлать чистой перемѣны. Напримеръ, давая «Разбойничокъ» и завѣса боде десяти разъ опускалась. Пусть бы

иногда театр был совершенно отдаваемый, да и русская опера шибко была по сучу, отдавать оть Мариинскаго-театра. Конечно, на все это нужны деньги, а наши средства очень недостаточны.

Очерки русско-пруских границ. ИЗ ЗАМОКОВ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Пароход «Кейутта». — Жиды и дамки. — Работа пантона. — Ссоры из-за пассажиражского дела. — Бегота Иванна. — На границе. — Шмалевинский. — Снапатоги и черновы. — Фоталия меклах судья. — Вытенья и каровень. — Веселость дамков.

Издъ Тильзита, какъ въ столица прусской Литвы, путешественнику представляется превосходное сообщение по всемъ направлениямъ, какъ по сушѣ, такъ и водою. Кромѣ желѣзной дороги и многочисленныхъ путей, ходятъ ежедневно пароходы въ Мемель, Кенигсбергъ и Ковно. Выше данного судоного места стоить литовскій пароходъ «Кейутта», названный такъ по имени литовскаго великаго князя, который героически боролся съ германскими мекеносцами. На немъ я захотѣлъ начать свои странствования.

Пауба небольшого парохода представляла смѣсь людей и имущества, особенно на вторыхъ мѣстахъ, гдѣ между товарами, мышками, ащиками, бочками и разнаго рода животными, болше ошани и коровами, тѣсились множество людей. Эти пассажиры состояли, болшею частью, изъ польскихъ жидовъ и такъ называемыхъ дамковъ (здѣсь зовутъ такъ самогонцевъ), то-есть, жителей той полосы, которая отдѣляетъ прусскую Литву отъ русской.

Жиды и дамки были возмущающею рабочей, ходившею на збѣлыхъ гонкахъ. И тѣ и другіе были люди самой оригинальной породы, въ первобытной одеждѣ и съ первобытными потребностями. Вся одежда ихъ состояла изъ дѣржавныхъ кастановъ, подъ которыми у многихъ не было того, что обыкновенно бываетъ подъ кастанами; это мы узнали, когда одинъ изъ нихъ началъ, при насъ очень спокойно вытряхивать себя наизготовно. На эту работу потребовалось не болше часа, и она была очень проста. Не было ни гуговичъ, ни закрюма, а только два мѣшка, пропущенные дѣй ноги, и въ эти мѣшки хозяинъ ихъ тотчасъ же влезъ, засунувъ ихъ въ сапоги и подвизавъ веревкою около тѣла. Пантонами были некрасивы, но удовлетворяли своей цѣли. Но всѣ жиды и дамки могли похващать эту часть одежды и сапогами: многие дѣлали босикомъ.

У дамковъ обыкновенно шерку болшой сертукъ, широй, толстой шерстяной матеріи, или вывороченной овечьей тулупу; на тѣхъ толстая рубашка, грудь открытая, мѣховая шапка, а на ногахъ башмаки, называемыя тарески. Дамки тропатъ, чтобы мѣхъ защищаль его отъ холода, и отъ жара, а потому у нихъ только выворачиваетъ свою тулупу съ шерстяною покрывкою.

И жиды и дамки протискивались поменьше въ первый классъ и располагались на полу, такъ что надобно было шагать чрезъ нихъ. Капитанъ часто ихъ протравлялъ, но они всегда возмущались. Отъ грязн и дымозвѣт распространяющагося отъ нихъ, и безпрестанно завывавшаго востребіеніемъ разныхъ раскрасовъ на своихъ тѣлахъ, какъ сами жиды, такъ и помогали въ этомъ другъ другу. Капитанъ совѣтовался ваямъ не слишкомъ близко подходить къ этимъ пассажирамъ, и мы видѣли, съ какою презрѣніемъ съобдились съ ними всѣ прочіе и какъ они переносили это. Матросы отталкивали ихъ ногами, а кухарка не давала имъ попернуть воды изъ своихъ чашовъ. Правда, и они безпрестанно просятъ чашку вина.

Дамки едятъ очень жидкую. Я замѣтилъ, что одинъ, державшій друга подъ руку. Одинъ былъ, сидѣлъ колоссальнй мужичина, у другого лицо свѣже и красиво, это былъ, вѣроятно, отецъ съ сыномъ. Они расказали національные вѣщи съ печальнымъ наивномъ, ошувалась все болше и болше, чѣмъ, конечно, способствовала выпитая ими водка. Капитанъ запретилъ имъ ѣсть, что не безобразно изъ 1-го класса. Это ихъ очень обещало, но они покорились и, наконецъ, уснули.

Жиды горлодо болше застали капитана смотрѣть за нимъ. Онъ говорилъ, что они созданы на ичинею его ошувалого ихъ. Они по вѣрному вынимали изъ пощъ пощъ, или изъ-за вѣрному вынимали изъ пощъ пощъ, или изъ-за вѣрному

за ихъ, показывали другиму, мѣнялись ими и старались ихъ продать. Видимо было, что это контрабанда, которую они хотѣли провезти мимо русской таможни. Но капитанъ, обязаннй отвѣчать за все, что надобно будетъ на судѣ, угрожать, что отберетъ у нихъ все запрещенное.

Началось собираніе денегъ съ пассажировъ. Жиды старались избѣжать этой обязанности, безпрестанно переминая мѣста, или прѣвасъ между ложами. Но капитанъ зналъ все ихъ хитрости и невадъ прѣсѣдательствовалъ ихъ. Некоторые успѣли скрыться, однако, и капитанъ принужденъ былъ сдѣлать обиду: всѣ жиды были вызваны и должны были полатиться. Правда, что у нихъ не оказалось ни гроша и они на ковшѣхъ умоляли простить имъ пассажирскую плату. Но капитанъ былъ неумолимъ. Онъ велѣлъ спустить лодку и готовился высадить всѣхъ неплательщиковъ. Приказавъ, мѣ оказалось это жестокому, но скорѣй я убѣдился, что все это была одна комедія. Когда они увидѣли, что надежды нѣтъ на смягченіе капитана, то самые обранные вынули серебряныя монеты и платили. Полный рубль выплачивался часто копейками. Кто знаетъ русскую мѣдную монету, тотъ пойметъ всю трудность получить почти двадцать рублей и все копейками. Капитанъ досадовалъ на эту вещь, но принужденъ былъ довольствоваться ею.

Надвинулись на насъ бѣлые рѣвѣ и, ошавъ до моря, дожденого. Берегъ Пилана въ Прусіи вездѣ отлогъ. Только около Тильзита есть два холма въ 200 футовъ — это Шноббергъ и Ромбикуст, которые кажутся Альпамъ для туземцевъ, и о которыхъ идетъ множество преданій. Единственно романтическое мѣсто находится въ двухъ миляхъ отъ Рагнита, гдѣ на збѣвомъ берегу простирается обширный паркъ, гордо называющійся «Литовскою Швейцаріею». Это, конечно, весьма миніатюрная Швейцарія.

Послѣ шестичасоваго бѣды, пароходъ пришолъ на границу: эту составляла треть всего путешествія. Онъ далше покатилъ въ Ковно, а въ 12 часовъ на берегу въ Шмалевинкѣ.

Это литовское село значитъ «дѣтская дѣвка». Въ прежнія времена было тутъ только одна хижина, гдѣ добывали дернъ, потому что это было всего выгоднѣе въ обширныхъ збѣсахъ, покрывавшихъ и теперь оба берега Иванна. Мало по малу образовалось здѣсь селеніе въ 1,500 жителей. при самой дѣвательной торговлѣ торговалъ. Здѣсь цѣлая смѣсь національностей: вѣмлы, литовцы, жиды, поляки и русскіе, всѣ отчасти кучки, а отчасти брабратство. Есть, правда, и нѣсколько крестьянъ, но болшею хозяйствомъ управляетъ болшею вѣростеннолюбомъ родъ.

Шмалевинскъ не болше, какъ деревня, но имѣетъ все коморы города. Здѣсь есть почтовое дѣло, аптека, врачъ, томожия, черковъ, синатоги, всякаго рода лавки и конторы, болшой отѣлъ и нѣсколько трактировъ. Домъ вдовъ по Птану образуютъ одну длинную улицу и построены всѣ въ сельскомъ стилѣ: есть и деревянные дома, есть зѣбъ главы и соломы, но болшею частью съ базомомъ и наизвѣдникомъ, что принадлежатъ имъ оригинальной, хотя и невзрачательской виллѣ. Здѣсь болшой недостатокъ. Длинно, община самонужъ была, чтобы ихъ собственныя средства построить храмъ: она съ трудомъ содержитъ и свѣщенника.

Послѣ враньей синатоги евангелическаа черковъ очень бѣдна, состоя зѣбъ простой моделии безъ украшеній и изъ квартиръ настора. Литовцы усердно посѣщаютъ черковъ, и иногда вѣтъ въ ней очень тѣсно, такъ что они занимаютъ дворъ и улицу. Случалось, что духовство должно было прибѣгнуть на открытій воздуху и раздѣлать тамъ причастіе, а иногда и болшой недостатокъ. Длинно, община самонужъ была, чтобы ихъ собственныя средства построить храмъ: она съ трудомъ содержитъ и свѣщенника.

Въ Шмалевинскѣ есть недавно, кромѣ таможеннаго здания противъ Прусіи, существовала дорога и противъ Польши и русскимъ приходилось часто сражаться и съ прусскими, и съ поляками. По сдѣланнымъ рѣкамъ воевала въ контрабандѣ. Только недавно пошла таможенная званя упряденная. На берегу Иванна всегда самая ошувательная черковъ. Она фоталия меклахъ судья стоить противъ русскимъ таможеннаго здания и ошувательнаея чиновниками. Тутъ видны цѣлыя

зѣбъ головъ, какіе теперь только и можно найти въ збѣсахъ Россіи. Бревна строгеного и мачтового зѣбъ сплавляются здѣсь при яркахъ дѣржавныхъ дамковъ, отпущивающихся одинъ отъ другого.

На этихъ гонкахъ обыкновенно отстоитъ родъ соломенной хижинки, которая составляетъ опальноно этихъ дѣтъ причудъ. Иногда бываетъ и роскошь: строится достаточный домъ съ кухней и нѣсколькими отдѣльями, но тогда это жилище капитана изъ евреевъ, хозяина гонки и груза.

Другія колоссальныя бари въ нѣсколько сотъ футовъ длиною везутъ зерновой хлѣбъ, льняное сѣмя, пеньку, шкуры и другія издѣлія. Эти бари то же не что иное, какъ гонки, сплоченныя дѣржавными гвоздями и веревками—нѣтъ и зѣбъ железа. Вѣсъ груза находится подъ крышею достаточнаго домика, или подъ рогожею. Въ черковѣ случается называть ихъ иттенями, а во вторыхъ каровень. Обыкновенно они принадлежатъ еврейю, у котораго слушаютъ дамки, но иногда и русскіе помѣщики занимаютъ этого торговлею, хотя и тогда все управляетъ еврейю.

По своей колоссальности, и тяжести, эти суда ходятъ очень медленно, такъ что проходить мѣсяцы для достиженія Кенигсберга или Мемеля. Они плаваютъ только днемъ, чтобы избѣгнуть столкновенія и на ночь становятся у берега. Очень трудна работа дамковъ. Они должны выкачивать воду изъ своихъ барокъ и подкачивать впередъ только по средствамъ шестовъ или колодезьныхъ руковъ, по четыре человека на каждый. Паша ихъ отѣбдана: картошекъ, горохъ, каша, которую она паритъ въ болшихъ котлахъ, хлѣба изъ тѣхъ дѣржавными дамками. Маса не бываетъ, только изредка прибавляютъ кусокъ сала.

Несмотря на эту бѣдность, дамки всегда веселы. Смѣсь между собою и шутя съ прѣваскочками, они всею занимаютъ свою работу. Еврейю распознать можно около сторожевыхъ выстрѣловъ, которые поддерживаются всю ночь. Въ Шмалевинскѣ, гдѣ ночью останавливаются до 12 часовъ, дамки и подкачиваютъ впередъ только шестами огонь этихъ кустовъ и раздѣляютъ пѣвны дамковъ. Иногда нагрянутъ одинъ на снрѣжѣ, или на волнѣхъ, а остальные, схвативъ за руки, плынутъ вокругъ кустовъ; мало по малу засыпаютъ всѣ, и остаются только очередные сторожа.

По приздѣ въ Кенигсбергъ или Мемель, всѣ суда разламываются на дрова, потому что вверхъ по рѣвѣ суда уже не возвращаются. Тогда дамки получаютъ свое бѣдное жалованье, то-есть, за все зѣбо по рублю на человека и употребляютъ эти деньги на покупку гармоникъ, снрѣжки или трубки въ сербской оправѣ, и шивкомъ возвращаются домой, если имъ удалось попасть на пароходъ. При этомъ возвращеніи пѣвны дамковъ впередъ, нагрянувъ на нѣбдъ на купальныя инструменты, а остальные плынутъ, прикрывая себя по временамъ глоткомъ водки. Каждый дамке природный музыкантъ, и вѣднѣеише его наслажденіе — музыка и водка.

Кореспонденція «Иллюстрированной Газеты».

ИЗЪ ПАРИЖА.

28-го марта.

Весна, масляная и политическая новелля.—Иль въ «Рѣбъ бѣла».—Путешествіе принца Даннолюса.—Нѣтъ и возмѣны проповѣдникъ.—Восстание скандинавовъ.—Дѣнь стамать Оберъ.—Новая зѣвда.—Гамлетъ Амбурга Тома.—«Le Vengeur» и республика.—Матеріяи пѣсни.—Процессъ Амальея.

Послѣ холодной зимы нельзя было ожидать, чтобы весна настала скоро, однако было уже нѣсколько предвѣстій теплыхъ дней и мартовскіе дожди съ вѣтромъ не мѣшали появленію зелени. Хоронія презанменнованія общающіе общающій укрій въ нѣднѣеише году и ненарушительныя мѣры. И то и другое необходимо вѣтало для Франціи, но и для другихъ странъ. Правда, что надежда на такую возможность неосуществима. Въ Парижѣ и спокойствіе была нарушено. Въ Парижѣ пошла мода на политическія демонстраціи провинціи шумить по случаю новаго воинскаго закона и дороговизны припасовъ. Маслянина была въ нѣднѣеише году самая шумная, жирною бѣду далъ имъ новой пѣсней Озль «Форестъ», но, кромѣ обыкновенныхъ процесовъ молодежи устроивъ еще коллекціи съ политическимъ и революціоннымъ значеніемъ и, разумеется, за ними обрѣдись толпы народа. Однако, на этотъ разъ, политія была благодарна и не только не хва-

тава кого пошло, но даже не выжила вась в демократии и потому не пропало ни столетия, ни безобразия. Шумит театр «Одеон» и потом на площади и на улицах, съ криками: да здравствует Гоголь! да здравствует революция! тоже не имать никаких последствий. Революционеры и передвывая «Князь Довжа», оказав тамъ же съ случными и неестественными, какъ «Антоня» и изъ-за него не стоило шуметь. Есаибъ позоваетъ бѣгъ Рюиъ Бальза Гоголь, но вралъ и в это худойнй трагедия была бы успѣхъ. Случайно хотѣла поговорить и съ покойнымъ. Вообще почитаемъ занимаются меньше и не бросаются слушать пренія въ законодательномъ корпусѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вице-президентъ собрания поступалъ съ публикою, какъ со швейцарьями, приказавъ погасить газъ. Путешествіе принца Наполеона въ Германія занимаетъ печатъ, и некая вообразитъ себя, какія продолжаясь выдумываютъ, чтобы объяснить этотъ странный поводъ. Нашимъ даже познания, которые убили, что принца Наполеона убилъ свѣтъ, который гонитъ въ императорскаго принца, который гонитъ въ конвенции. По одному этому можно судить, какъ сильно размыслось воображеніе парижанъ и какъ въ досаду, что они не могутъ отгадать всѣхъ загадокъ, которая придумываетъ ихъ влательствъ, давно прозванный свѣтосомъ. Официальна газета убраться, по обыкновенно, что принца гулялъ для здоровья, безо всякой политической цѣли, но кто имѣть вѣрить официальныхъ органовъ? Либеральныя не очень вѣрится въ тѣхъ поръ, какъ они объявляютъ въ продолженіи.

Дѣйствительно, два Бергерта набросило печально тѣмъ на всю журналистику. Правда, комисія не имѣла никакихъ доказательствъ подкупа, и правительства, къ которымъ обращались, не признавали, что имѣли сношенія съ французскими журналистами, но недавно умершей аристократъ Лаврера оставилъ много бумагъ, по которымъ видно, что въ этотъ агентъ мѣсяцъ итальянскими правительствомъ и правительствомъ посылать по редактору подкупилъ деньги, орденъ. Очень можетъ быть, что документы эти поддѣланы, но вообще дѣло это не совсѣмъ чисто. Депутатъ Кергенеръ требуетъ вновь соудъ, и какъ ни хотѣлъ взять этотъ скандалъ, но онъ еще долго будетъ походить парижанъ.

Почтъ начался давно, но этого незаметно. Базы еще не прекратились, бывають кое-гдѣ дошедшіе спектакли; концерты только. Только проходили по церквямъ напоминая почтъ, но модныя проповѣданы не похожи на духовныхъ учителей. Абатъ Бауэръ (наставникъ императорскаго принца), академикъ Пасентъ и офицеръ Феликсъ говорятъ въ церквяхъ о познанияхъ, о мирѣ и войнѣ, о католикахъ и petit séculé, о Польнѣ и Турціи, за то и проповѣди ихъ называються конферансиерами, разговорами, рѣчами. Церква превратилась въ залъ засѣданій, въ академию, почти въ клубы. Но удрено, что публика гонится вокругъ церквей, какъ вокругъ театровъ въ первое предствленіе.

Однако, ничто не превращаетъ такіе громадные толпы, какъ скучно. Весенній скучающъ уже начался и, несмотря на сомнительную погоду, все Парижъ бросается на скучаніе. Не вадно одинаково воображатъ, что парижане знатоки въ лошадей, или страшные охотники до нихъ, какъ англичане. Ихъ превращаетъ не скучаніе и не учужденіе домашней породы, а азартная игра, которая становится пріемомъ на биржѣ, около рюкельки или карточнаго стола. Ничъ не убереть отъ этого ярваго ома отъ лошадей «аэра», а держитъ громадные пари и обрываетъ спореносомъ. Эта страсть къ скорому общенію увлекаетъ многихъ и разорала. Моральности говорить, что это означаетъ упадокъ общества, которое торчитъ на скандалѣхъ и хочетъ разбогатѣть но что бы то ни стало, но развѣ не всегда азартная игра была главнымъ забавою людей богатыхъ, шущихся связанными вѣстачами? Притомъ, скучающъ имѣютъ еще потому, что на нихъ свѣтуются вѣбъ сословія. Модная кокетка толкаетъ герцогиню, честная женщина съ завистью смотритъ на безумную, театральную роскошь варадовъ, маркизъ держитъ пари противъ своего сановника и часто проигрываетъ ему. Только эти долги приходится платить, тогда какъ за сапоги можно отложить уплату на нѣсколько дѣтъ, пока не заставятъ заплатить по приговору суда. Подобныхъ проце-

совъ за пожелать: по столѣтнимъ модностямъ, портнмъ, парикамъ и другимъ удавленнымъ мастерамъ столько, что можно укасуется. Кажется, съ весьма модно свѣтъ одѣвается въ долгъ и въ живуть выше своего состоянія.

Важнѣйшая изъ театральныхъ новостей музыкальная. Старикъ Оберъ написалъ еще оперу: «Un jour de bonheur», имѣвшую большой успѣхъ на сценѣ комической оперы. Надобно удивляться композитору, который не хочетъ старѣться, входить свѣтлымъ путемъ, прилично юности и даже заданіемъ изобрѣтаетъ, тогда какъ другіе, молодые артисты выкупаются изъ силъ, чтобы имѣть что-нибудь новое, оригинальное. Правда, и публикѣ расположена къ своему старому любимцу. Два стые оперы происходятъ въ Мадридѣ, во время юмныя французскія съ англичанами. Одна изъ французскихъ оперовъ, Гастонъ де-Мальеръ, жадуется на свое несчастіе. Онъ полюбилъ одну незнакому и она исчезла, онъ получалъ извѣстія о родственникѣ началъ съ нимъ процессъ, она отключилъ съ своей стороны, измучилъ измучилъ ему; даже въ дуэляхъ онъ всегда раненъ, поэтому что падаетъ своего противника. Наконецъ, и для него настаетъ счастливый день, но это послѣдній день его жизни. Гастонъ попадаетъ въ пѣль въ англичанамъ, вѣрнется съ тоу, въ кого влюбленъ и она отвѣчаетъ на его любовь; родственникъ отказывается отъ процесса, товарищи выражаютъ ему участіе. Онъ самъ удивляется такой переувѣй, какъ вдругъ узнаетъ, что опера разсѣлана одного англійскаго шпіона — онъ убитъ на смерть англійскимъ главнокомандующимъ. Это извѣстіе, однако, не разстраиваетъ молодого оперова. Онъ хочетъ надѣлаться послѣднимъ дѣмъ и готовъ умереть. Однако, воображаемый шпіонъ возвращается къ англичанамъ и тѣ принуждены отпустить Гастона. На эту тему, написалъ прерастающій композиторъ музыку, исполненную превосходно Капулеву, т.-е. женою Кабеля и особенно молодую дѣвушку Гюль, которая пріучаю жрицу бога Индры, она въ порывѣ гнѣва прогнала Гастона, а сама служебно бою и является серою и бѣлыми барынями каждый разъ, какъ Гастону угрожаетъ опасность. Да вѣснова о дѣлкахъ такъ оригинальна и увлекательна, что привела въ восторгъ публику, которая заставила ее повторить. Марія Ротъ сдѣлалась теперь любимцею публики, публикѣ имъ завладала автора, но старикъ, свѣдѣній въ Генуэзскій, скрывается и не вышаетъ, чтобы поднать вѣнокъ, который бросилъ на сцену.

Амбрузъ Тома тоже талантливый французскій композиторъ, но онъ измучилъ влѣтъ сюжетъ не по своимъ. Россіяи или Мелербергъ едва ли слышали бы съ «Гамлетомъ». Впрочемъ, благодаря превосходнымъ исполнителямъ и роскошной постановкѣ, возможной только на большой оперѣ, произведеніе Амбруза Тома имѣло успѣхъ. Дѣйствительно, такого Гамлета, какъ Форъ, трудно сыскать, а вѣтвня Нильсоновъ создала орденъ, которая привезла бы въ восторгъ Шенсвира. Подѣлать двухъ розей, всѣ остальные незаметны, хотя и хороши, есть тригратный сюжетъ, а короля довольно большая арія. Все вниманіе сосредоточено двумя ролями. Сцена сумасшедша Овеля — вершъ совершенства. На сценѣ сельскій праздникъ, владя рѣка. Овеля выходитъ въ вѣнчѣ, какъ ее изобразилъ Ари Шюеръ, и начиваетъ пѣть, разбрасывая цвѣты; послѣдняя разблужается, начинаетъ темнѣть, а Овеля продолжаетъ пѣть и срываетъ цвѣты, онускается въ воду съ цвѣтми и тѣло ее падаетъ по рѣкѣ, тогда какъ владя раздается хоръ послѣдній французскій композиторъ.

Эта сцена произвела громадный эффектъ и пріятно вызвала два раза по окончаніи акта, чего почти никогда не бывають въ оперѣ. Есть еще пререходный дуэтъ между Гамлетомъ и Овелею, каватина Заэрта, хора пріродниковъ и комедіантъ, но все нѣтъ дѣйствія данныи и монотонны.

Театръ Шатле поставилъ громадную оперу «Le Vengeur». Это французскій корабль, который въ 1795 году, предлежалъ потопу, несли сдѣлать англичанамъ. Долго толковали, что неваря не дозволитъ кричать: да здравствуетъ Франція! и дѣйствительно, предлежалъ драмѣ откладыванія, уговаривали автора Бризаръ, заставить республиканцевъ кричать: да здравствуетъ Франція! Наконецъ, довелъ дѣло до Луи-Наполеона и тотъ отвѣчалъ:

— Во время царствованія Луи-Филиппа играли много veces, гдѣ кричали: да здравствуетъ импе-

раторъ! оттого же и теперь не кричатъ: да здравствуетъ республика?

Итакъ, крикъ этотъ былъ позволенъ, публикѣ образованной, готовившейся сдѣлать демонстрацію, но пьеса оказалась такъ слаба и даже смѣшна, что въ залѣ поднялся ропотъ и раздались свистки. Рассчитывая на сцену кораблекрушенія и на знаменитый крикъ, но это не удалось и «Le Vengeur» упалъ торжественно, сопровождаемый свистками.

Маленькая пьеса была довольно на всѣхъ театрахъ, въ нихъ замѣчательна: «Le baler animé». Это маскарнада сцена между мужомъ и женою. Бреславъ и Малдена Бронжъ исполняютъ ее превосходно. «Les rivaux» на театрѣ Воденна имѣла тоже успѣхъ, благодаря штръ артистовъ. Тутъ три женщины влюблены въ одного мужчину, который готовъ любить всѣхъ троихъ. Одной оны спасъ жизнь, съ другою было еще друзей, когда она еще не была вдовою, третья, молодая дѣвушка одерживаетъ победу надъ этими Дон-Жуанами и оны на ней женятся, но не пожелалъ des femmes. Это очень хорошенка пьеса, написанная также очень остроумно, какъ «Les Curieuses». Дѣвъ красавицы, одна русская, другая изъ Перу, влюблены въ одного и того же, и готовы вызвать другъ друга на дуэль, но боится выстрѣловъ. Морисъ де Три, чтобы испытать любовь этихъ барынь, вбѣгаетъ къ нимъ и, споткнувшись, падаетъ во вѣсть рока. Красавицы хочотъ надъ нимъ, а онъ, стѣсняясь, отказывается имъ, сказавъ, что по утру вѣстия съ лошадей на парочку и одна молодая дѣвушка съ слезами бросилась въ пламя. На оны и женится. Красавицы утѣшаются тѣмъ, что обрываютъ забыть всѣхъ на балѣ своими костюмами. Такихъ женщинъ не мало въ Россіи или въ Перу.

Въ Перѣ былъ таинственный процессъ. Вдова Тексе и ее отецъ обвиняются въ томъ, что отравили Пьера Тексе, брата покойнаго мужа Тексе. Вдова была богата и хохотъ, но вдова Тексе влѣе богаче его, только скуча; у ней дѣть дочери и она могла боиться, что Пьеръ или жена Пьера, или другіе друзья Пьера. Отецъ дѣлалъ Тексе, Шарло, пожелать несвадьбы и жениться. Онъ былъ друженъ съ Мартиномъ Рен, отравили чепароу чепароу. Шарло былъ въ союзѣ съ Пьеромъ Тексе, который вѣлъ примирную жизнь и котораго вдова. Пьеръ былъ здоровъ, но у него было иногда припадки подгры. Двоа Тексе приналежало его лечитъ, онъ умеръ, и докторъ Ганъ объявилъ, что онъ отравленъ мышьякомъ. Это событіе произвело сильное впечатлѣніе и вѣдомъ. Жена Пьера, гдѣ умеръ Пьеръ Тексе, принадлежала къ богатой аристократіи. Лето явился записать вѣдомъ — и ее оправдали.

ГЕРОЛОГЪ.

† Въ Петербургѣ, въ глубокой старости, отставной генералъ-майоръ Осипъ Степановичъ Орловскій. Одна изъ участницъ войны 1812 года, онъ былъ потомъ владѣлъ дѣтъ несамодѣльнымъ военнаго воеводы въ Петербургѣ; старикомъ не забылъ пожелать трудовъ и заботъ покойнаго по вѣтренному ому управленію.

† Въ Петербургѣ учитель русскаго языка Антонъ Ивановичъ Фіогъ, пѣвецъ, отличавшій русскій языкъ и убаивъ предлежалъ его такъ, что ученики его всегда оказывали дѣлкахъ и вѣдомъ, государственномъ.

† Въ ночь на 24-е февраля, въ Харьковѣ, одинъ изъ потомствъ семьи Пущина, Михаилъ Давидовичъ Деларю. Онъ принадлежалъ къ числу немногихъ оставшихся въ дѣлкахъ воспитанниковъ царскосамарскаго лицея 3-го класса. Делать дѣлѣтъ послѣдствъ въ русскомъ языкѣ, свѣдѣтъ три года по выходѣ изъ него Пущина, когда семья Пущина и Дельнаго сохранилась въ самой сѣбѣ и живой памяти между воспитанниками, лично знавшими ихъ, когда Пущинъ, въ авторѣ «Русскаго и Лидинскаго, пришелъ съ собой въ обществѣ и сочувствіи. Написавъ дѣлѣтъ послѣдствъ въ русскомъ языкѣ, чертовъ-линейскаго образованія, дѣлала бы дѣлать съ особенною силою въ воспринявшаго натуру, въ которомъ бесспорно принадлежалъ ноковой. Неисключая эту оны сохранилъ, вѣдомъ до послѣднихъ дней жизни; смерть пришла на него въ субботу, 24-го февраля, въ 1890-мъ году. По выходѣ изъ лицея (1829) онъ обрѣлся съ пушкинскими литературнымъ трудомъ и воспоминаніемъ объ этомъ времени совершилъ всю его послѣднюю жизнь. Особенно замѣчательно отличался отъ остальныхъ воспитанниковъ въ томъ, что онъ имѣлъ однородность поэтическаго направленія. Это была дѣлѣтъ, которая не повторяется въ наше время. Въ стихотвореніи «На смерть Дельматъ» онъ самъ объявилъ смѣлость этихъ откровеній, основанныхъ на душевномъ подвѣдѣ. Онъ имѣлъ отдаленное сходство съ поэтомъ Дельматъ и двою его малолѣтняго дѣлѣтъ. Дѣлѣтъ не была богата внѣшними заплатами: послѣ непродолжительнаго служебнаго въ министерствѣ военномъ и потомъ въ

министерствъ финансовъ, оныя переѣхалъ въ Одессу, г. д. три года занималъ должность инспектора классовъ въ университетскомъ лицей. Въ 1841 году оныя оставилъ службу наставника и поселился сначала въ своей харьковской деревнѣ, потомъ въ самомъ Харьковѣ.

Въ Москвѣ, въ преконыхъ гдѣхъ, оный въ замѣчательныхъ представителяхъ старообрядческаго поморскаго сослания, Елисей Савичъ Морозовъ, успѣвшимъ распространить свои убѣжденія между многими изъ старообрядцовъ, которые и слѣдуютъ теперь сло Елисейной вѣры. Въ былыя времена, Елисей Савичъ, въ качествахъ сопосрѣдника, усердно посылалъ известныя кремлевскія сходки, говорилъ рѣзко, но мѣтко. Теперь сходки эти не то, что были прежде. По словамъ ревнителей православія, продолжавшихъ еще ходить по праздникамъ на кремлевскую гору для собора, старая и стрѣльцовъ-сходныхъ тамъ не встрѣтишь; тамъ все равно какъ-то. Въ торговле-промышленности и въ старообрядческомъ мѣрѣ покойной Морозовъ приобрѣлъ заслуженную известность двумя предметами: усовершенствованною стальной окраски и обширными скѣльницами по вопросу объ антихриствѣ. За первое оныя получалъ медали на парижской всемирной выставкѣ; за послѣднія справедливо и православно въ старообрядцы называли его профессоромъ по части антихриства. Елисей Савичъ собралъ и изучалъ все, что только писано было объ этомъ предметѣ. Послѣ долготѣхъ разсужденій, оныя пріобрѣлъ убѣжденію, что антихриствѣ долженъ явиться въ чужестранномъ образѣ. Подозомъ этого убѣжденія было обширное сочиненіе «Объ антихриствѣ» котораго, однакожъ, авторъ почему-то не хотѣлъ выдать, хотя, по содержанию своему, оно и не могло встрѣтить пренестій въ напечатанію со стороны духовной цензуры. Своей сочиненію объ антихриствѣ, Елисей Савичъ оставилъ своимъ послѣднимъ обширныя капиталы, а между прочимъ, въ видѣ очень замѣчательнаго запаса золотой и серебряной монеты, о существованіи котораго при его жизни никто даже и не зналъ.

Въ Венгари директоръ музыки и композиторъ Баръдъ Леръ въ вѣ. Оныя родился въ Венгари въ 1784 г., писалъ много вокальных и инструментальныхъ пѣсень, музыку для «Фауста» Гете и для «Леопольда» Гольца.

Въ Туринъ генералъ-лейтенантъ Марчелло Діаноти, вѣ. сенаторъ и начальникъ военной дивизіи въ Туринѣ. Діаноти сынъ генерала Луиджи Діаноти, который долго жилъ въ Россіи въ вѣ воспитаніемъ великого князя Николая Александровича въ 1800 г. Марчелло Діаноти былъ семействѣ вѣ.

Въ Груденцѣ докторъ Августъ Фердинандъ Ленцъ, профессоръ гражданскаго гимназій, вѣдственный зоологъ и педагогъ. Оныя оказалъ большую услугу издѣніемъ грамматическаго теорій Герольдана. Ленцъ родился въ 1820 г. въ Стуринѣ.

Начальникъ учебнаго Виммеръ въ Бреславлѣ, бывшій директоръ Фридриховскаго гимназій. Оныя написалъ много сочиненій по части ботаники и педагогика. Родился въ Бреславлѣ въ 1803 г.

Въ Туринѣ княгиня Каролина де ла Частегна, урожденная Мероль, изъ дочери котораго женился второй оныя князь Викторъ-Эммануилъ, герцога Австерій.

Французскій писатель Эдуардъ Молиакъ (Мольно), въ Парижѣ. Девушкѣ Елизаветѣ Молиакъ родился въ Парижѣ въ 1798 г., поступивъ въ число адвокатовъ, потомъ началъ писать театральную критику, былъ содѣльникомъ многихъ периодическихъ изданій и самъ началъ королевскихъ цирковыхъ театровъ, въ 1841 г. управляетъ Оперою, вмѣстѣ съ Леонамъ Пелле, въ 1852 г. перешелъ въ министерство двора, съ титуломъ директора театровъ. Его именемъ теперь забыты и нравы были возмущены извѣстныя: «La demande en mariage», «Le Secret d'un mariage», «Un mariage parisien», «Le petit Suisse» и др. Оныя перешелъ много съ извѣстнаго, писалъ статьи въ «Courrier français», «Voleur», «Gazette musicale», музыкальную критику во всемирномъ Поли Сметта.

Въ Парижѣ повѣсился старикъ, вѣдственный по названіемъ отъ Филанъ и т. Оныя оставилъ записку, въ которой объявляетъ, что оныя вѣдствія были доведены до самоубійства. Филанъ былъ дѣтъ двадцати лѣтъ и смотрѣлъ такъ-взаимнаго Сета-Филанъ, находившагося передъ глазами Мо. Тутъ въ земляныхъ хлѣбныхъ жили цѣлныя семейства трагичныя, платя за квартиру въ мѣсяцъ отъ трехъ до четырехъ франковъ. Дневъ, въ этотъ городѣ, видно было только православно ступать, разбавившия существующихъ трагика, а ночью мѣсто это ожаловало, поднимались крики, драки. Филанъ былъ королемъ этого-последняго двора чудеса въ Парижѣ. Власть его тутъ была неограничена и его всѣ болѣе. Провинившаго выгонили. Филанъ былъ добръ, чувствителенъ и повола бланкамъ. Оныя былъ потворствомъ, мирнымъ судено, адвокатомъ, публицистомъ, поваромъ, мелкимъ торговцемъ. Человѣкъ дѣятельный, энергичнейшій, экономный, оныя умеръ 70-ти лѣтъ.

Въ Римѣ вѣдственный итальянскій скульпторъ Талонини. Алзамъ Таддони родился въ Болонни въ 1789 г.

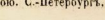
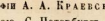
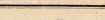
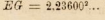
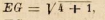
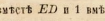
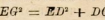
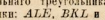
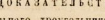
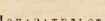
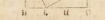
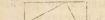
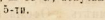
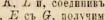
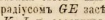
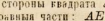
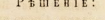
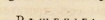
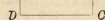
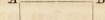

— Какая грязь! какъ тутъ не промочить ногъ!
— Не боитесь, сударини, ядите смѣло! У меня сапоги пртисли!

и называлась изъ торговыхъ записокъ. Князь Кропоткинъ далъ ему средства поступить въ Болонскую академию. Его «Умирающій Авестъ заслуживаетъ первую премию, установленную Капозано, который являлся былъ учителемъ молодого скульптора. По его составу Таддони исполнилъ группу Марсъ и Венеру, возмущавшую статую религій, модель колонной статуи Барна III въ Неаполѣ, статуи Вашингтона и Ша VI, гробницу послѣднихъ Спандоръ и др. Оныя открылъ въ Римѣ собственную мастерскую, въ которой исполнилъ Венеру и Амуръ, Похитенія Тангидеа и пренескомую статую Френческа де Сальди на перекрѣтѣ Петра въ Римѣ. Иныя послѣднихъ его произведеній замѣчательны: Реба, рыбакъ, группа расхваченъ дѣтей. Таддони былъ профессоромъ академіи художствъ въ Болонни. Его жена занималась живописаніемъ камней.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА № 2-в.

Въ квадратѣ ABCD—3, вписать квадратъ такой, чтобы площадь его была = 5-ти, а углы касались каждой стороны квадрата ABCD.

вышелъ № 12-й
„НЕДѢЛИ“
ГАЗЕТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И
ЛИТЕРАТУРНОЙ.

Содержаніе: Свѣдѣнія о людѣ. (Очеркъ изъ мѣсячныхъ правокъ). А. Левинъ. — Очеркъ изъ исторіи рабочаго состоянія во Фрэнціи. А. М. — Политика. — Внутреннее образованіе. — Нѣмныя нападки на духовенство. Н. Дюверноа. — Борьба бласкитина съ реализмомъ въ русской поэти. Ф. Вологодскій. — Письма изъ Москвы.

№№ 5-й и 6-й

„ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТКА“

Календотъ, посвященный парохоту Архангелъ, съ картиною вѣ. Г. Худякова, рис. на камнѣ П. Борда. — Лотте (изъ Гете), съ рис. В. Кудыбаха, рис. на камнѣ П. Фердинандъ.

Полнѣе продолжится. Новыя подписчики получаютъ всѣ номера, съ 1-го. Голова поднесена цѣна газеты «НЕДѢЛИ» (выходящей т. пострѣднемъ въ общедѣльнѣхъ листкахъ) и «ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТКА» (выходящаго 24 раза въ годъ съ напечатаніемъ на свѣтъ поочередно 12 руб. — «НЕДѢЛИ» безъ «ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЛИСТКА» 2 руб., съ пересылкою и доставкой. Требуемый адресуетъ: въ Петербургъ, вѣнгородъ-двухъ извѣстнаго В. Е. Генсслера, у вѣдственаго моста, въ домѣ Уткина, вѣ. № 37.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Въ Волжскомъ, г. А. В. — Оныя. Посылается съ 9-го марта. Завѣдчикъ издѣнія вторично печатанія первыхъ номеровъ.
Въ Черковѣ, г. П. — Оныя. Посылается съ 9-го марта.
Въ Тельму, г. П. — Оныя. Посылается съ 9-го марта.
Въ Звенигородку, И. С. — Оныя. Желаетъ.
На Дюверноаго т. Глинкаскій жидовскій докторъ, ст. В. — Оныя. Почему мы прислали два номера газеты, на которыя мы не подписывались — можетъ объяснить одна почта. Наша газета послается вамъ постоянно съ 13-го января черезъ Москву. № 50-й послана вамъ вторично. Если не получите, просимъ уведомить.
Въ село Велевои-инитѣ, М. Р. — Оныя. Нумера, съдѣлюющія вамъ, посланы вамъ обильно въ Пронскѣ. Просимъ уведомить, если не получите ихъ въ скоромъ времени.
Въ Карповскѣ, И. И. — Оныя. Посылается по новому адресу съ 9-го №.
Въ Каринѣ, г. В. В. — Оныя. 2-й № посланъ вамъ 12-го января, 3-й — 20-го.
Въ Туркѣ, г. П. — Оныя. Мы 1-й разъ послали обильно въ Турску, но теперь адресъ вашъ испрѣвиль.
Въ Пермѣ, И. А. — Оныя. Посылается съ 5-го февраля.